

Анна Климова

*ДВЕРЬ
В ПОСЛЕДНЮЮ
КОМНАТУ*

роман

18+

Анна Климова

Дверь в Последнюю Комнату

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72652129

SelfPub; 2025

Аннотация

Вся жизнь – она словно коридор. Очень длинный коридор со множеством дверей. Медленно мы идем по нему и по очереди открываем каждую дверь. За дверью находится комната, в которую мы непременно заходим, оглядываемся, знакомимся с людьми, находящимися в ней. Все эти комнаты разные. В каждой свои герои и декорации. Но объединяет их лишь одно. Когда приходит время, мы должны снова выйти в коридор, закрыть за собой дверь и идти дальше, в следующую комнату. Никому не известно, в какой из них нам суждено остаться навсегда. В какой мы обретем себя. И сколько дверей нужно открыть, прежде чем зайдешь в свою Последнюю Комнату...

Анна Климова

Дверь в Последнюю Комнату

ДВЕРЬ В ПОСЛЕДНЮЮ КОМНАТУ

Часть I ЛИЗА

Глава 1 Маяк и маятник

*Моя свеча горела ночью,
Та ночь вся утонула в снах.
Огонь свечи, в моих глазах,
Был маяком слепой надежды,
На призрачный рассвет впотьмах.*

*Огонь свечи угас спонтанно,
Фантомный свет в глубоких снах,
Исчез и превратился в прах.
Стал призраком слепой надежды,
На солнечный рассвет впотьмах.*

...

Утро было холодным и пасмурным. Сизые тучи полностью заволокли небо, которое из-за этого казалось настолько низким, что вот-вот накроет город. Несмотря на то, что осень только началась, погода стояла довольно мрачная и промозглая, словно сейчас была никак ни меньше середина ноября. Хотя едва наступил сентябрь.

В просторной спальне царил полумрак. Лишь сквозь огромные окна, которые занимали пространство одной стены от потолка до пола, но были скрыты плотными шторами темно-серого цвета, пробивался тусклый утренний свет. Весь интерьер комнаты был выполнен в серо-синих тонах, и здесь всегда царила полутьма. Хозяин не любил солнечного света.

Незадолго до того, как раздался телефонный звонок, начался дождь, мгновенно перешедший в ливень, и звук телефонной трели потерялся в его шуме. Но Владислав Валевский все равно мгновенно проснулся, резко сел на кровати и, прочистив горло, снял трубку.

Он подумал, что сейчас должно быть не больше семи утра, и не ожидал, что Стахов позвонит так рано. Однако в трубке послышался вовсе не голос партнера. А времени было не так уж и мало. Взглянув на часы, Валевский помрачнел. Они показывали половину десятого. Его не разбудили с работы, а это означало, что действительно нужно было беспокоиться из-за вчерашнего судебного заседания.

Мужчина поморщился и слишком резко произнес:

– Да, слушаю.

– Господин Валевский? – раздался женский голос на том конце провода после непродолжительного шума. Должно быть, собеседница была на улице и звонила с мобильного телефона.

– Слушаю!

– Господин Валевский, здравствуйте. Очень рада вас слышать, потому что последние несколько дней я пытаюсь до вас дозвониться, но вы не берете трубку. И я оставляла сообщения на автоответчике. Но вы ни разу не перезвонили! И тогда я даже решила отправить вам письмо по электронной почте. Оно дошло? Вы его получили? Так вот, если вы его не получили, то вы, должно быть, не в курсе дел. Конечно, вы не в курсе, вы же не отвечаете на звонки... – визгливый голос продолжал трещать в трубке, когда Влад грохнул ее с силой на аппарат, рискуя разбить его вдребезги.

Разбираться в том, кто это звонил и зачем, у него не было ни малейшего желания. Единственное, что сейчас его волновало, так это вчерашнее заседание, на котором едва не разразился скандал. Тем временем телефон зазвонил снова, но на этот раз он не стал снимать трубку, потому что номер, высветившийся на определителе, был тот же.

Обернувшись на шорох за спиной, Влад вспомнил, что он не один, и это ему совсем не понравилось. Он окинул недовольным, почти брезгливым взглядом женщину, спящую в его постели, пытаясь вспомнить, где именно встретил ее. Но,

судя по тому, что не потрудились выпроводить ее ночью, вчера он слишком много выпил, и попытки воссоздать в памяти картину вечера бесполезны.

Вчера, после длительных и утомительных выяснений по ходу очередного судебного заседания со своим партнером Максимом Стаховым, единственным желанием Влада было расслабиться, что он и делал в одном из самых дорогих баров в центре города. Изрядно выпив, он встретил там знакомых коллег, к которым присоединился, и ночь завертелась для него в водовороте развлечений и незнакомых лиц.

Конечно, ему никогда не следовало забывать о том, что юрист должен себя вести таким образом, чтобы не подрывать доверие общества к его профессии. Но адвокат Владислав Валевский жил по своим собственным правилам и подчинялся лишь собственной морали, что, впрочем, ничуть не мешало его репутации.

Победителям прощают многое, если не все, – так рассуждал господин Валевский. Тем более что подобные опрометчивые поступки были ему несвойственны, да и повода предаваться подобному распутству обычно у него не бывало, как, впрочем, и времени.

Его время стоило довольно дорого и, как часто казалось самому Владу, ему не принадлежало. Из-за плотного графика судебных заседаний, на которых он выступал, он редко позволял себе какой-либо отдых. В свои тридцать девять лет он являлся одним из самых известных адвокатов Санкт-Пе-

тербурга. И его буквально разрывали на части.

Однако вчера ему просто необходимо было выпустить пар. Но едва ли это пошло ему на пользу, потому что на утро он не чувствовал себя хоть сколько-нибудь отдохнувшим. Напротив, голова его была тяжелой, а мысли – мрачными.

Влад окинул взглядом светлый ковер, на котором была разбросана одежда, и поднял пиджак. Он пошарил в кармане и, найдя в нем бумажник, отсчитал несколько купюр, которые, вставая, не глядя, бросил на постель со словами:

– Одевайся и убирайся отсюда.

По его мнению, это было вполне достойное прощание со случайной любовницей, имени которой он даже не запомнил. Однако спустя каких-то пятнадцать минут, выйдя из ванной, он обнаружил купюры, валяющиеся кучей на смятой и уже пустой постели. Валевский вскинул бровь, искренне удивившись этому нелепому, по его мнению, жесту, но быстро выкинул из головы, как незаслуживающее его внимания.

Влад оделся и вышел на кухню, чтобы сварить кофе покрепче. Он чувствовал, что сегодня его ждет день не из легких. И оказался прав.

В просторный, лаконично обставленный офис в одном из крупнейших небоскребов Питера, где находилось адвокатское бюро, в котором он работал, Владислав прибыл к одиннадцати часам. Он мог бы приехать и еще позже, но ему повезло миновать долгие пробки на дорогах.

Валевский вошел в офис в скверном расположении духа.

Но так как к его суровому выражению на всегда сосредоточенном лице уже давно привыкли немногочисленные сотрудники, то никто не обратил на него внимания. Не говоря ни слова, он быстро прошел в свой личный кабинет и принялся за работу.

Работа – вот что действительно было для Влада важно и что приносило ему ощущение полноты жизни. Стремительно развивающаяся карьера и открывающиеся возможности были для него ключевыми факторами, и он не щадил себя на пути к вожаемым вершинам. Он брался за самые сложные и запутанные дела и с легкостью выигрывал их, зарабатывая себе безукоризненную репутацию и крупные гонорары. Владислав Валевский был по натуре своей игроком, который уже давно позабыл, каково это, когда проигрываешь.

Одним из последних дел, над которым он работал, являлось убийство. В деле был замешан представитель власти, довольно крупный чиновник. Дело было достаточно щекотливым и не требующим огласки. Но на вчерашнем предварительном заседании все пошло не по плану. Появилась информация о свидетеле, показания которого могли перечеркнуть всю выработанную Валевским стратегию и привести к необратимым последствиям.

Заседание было отложено на три недели. И за это время Владу было необходимо разработать новую линию защиты своего клиента.

Настойчивый стук в дверь вывел его из размышлений от-

носителем последнего. Ничего не ответив, Влад подождал, пока открылась дверь и вошла его секретарь и личный помощник Екатерина Владимировна. Это была невысокая полноватая шестидесятилетняя женщина. Строгая и аккуратная. Она всегда носила одинаковые темные платья, лакированные туфли на каблуках и закалывала свои рыжие волосы в высокий пучок. Влад испытывал к ней уважение за то, с какой точностью и скоростью она умудрялась выполнять свою работу и сохранять невозмутимость в любой ситуации.

Но, тем не менее, несмотря на то, что его секретарь была женщиной тактичной и успевшей за тот непродолжительный срок, что работала на Валевского, изучить его непростой и довольно скверный характер, даже она иногда умудрялась нарушать его уединение в самый неподходящий для того момент.

– Я занят! – почти рявкнул он, когда секретарь вошла в кабинет.

– Владислав Маркович, звонок из Калининграда по поводу недвижимости. Говорят, срочно.

– Что? – Валевский нахмурился, пытаясь сообразить, о чем идет речь. – Какой еще недвижимости?

– Вашей, – с привычной сдержанностью ровным голосом ответила секретарша. – Агент звонила несколько раз на прошлой неделе. Я вас информировала. Вы, должно быть, забыли.

Едва ли, поглощенный последние несколько недель под-

готовкой к вчерашнему слушанию, Влад обращал внимание на что-то, не относящееся к уголовному процессу.

– У меня нет на это времени, – морщась, резко возразил он, поднимая трубку. – Да, слушаю.

– Господин Валевский, наконец-то мы с вами связались! – уже знакомый визгливый голос вновь приветствовал Владислава. – Мы разговаривали утром, точнее, вы мне не успели ничего ответить. Нас разъединили. Помешали помехи на линии. Или дождь. Знаете, какой сильный ливень был в Питере! – услышал он восклицание. – Ах, ну да, конечно, вы же там живете...

– Что там за идиотка? – отрывая телефон от уха, обратился Влад к помощнице, которая в свою очередь, лишь развела руками и поспешно удалилась, неплотно прикрыв за собой дверь.

– Какого черта вам от меня нужно? – почти крикнул он в трубку.

Собеседница выбрала явно не лучший момент для того, чтобы испытывать его терпение. Однако резкий тон Валевского совершенно ее не задел, потому что после секундной паузы телефон взорвался новыми возгласами:

– Ну как же?! Я по поводу Вашего, господин Валевский, дома в Янтарном! Звоню вам из Калининграда! Я из агентства недвижимости. Ирина – риелтор, помните? Вам срочно нужно что-то предпринять, иначе наше агентство ничем Вам не сможет помочь!

– Мне? – Влад искренне удивился. – Причем здесь ваше агентство и причем здесь вообще я? Эта развалюха уже давно не моя забота. Пусть новые хозяева разбираются в чем бы то ни было, – усмехнулся он. – Меня это уже не касается. Вы бы еще через год позвонили! До свидания!

Он уже хотел было отключиться, как услышал то, что заставило его насторожиться:

– В смысле, через год? Какие новые хозяева? – голос собеседницы как-то заметно стих.

– Которые купили дом, – с удивлением ответил Валевский после паузы.

– Здесь или какое-то недоразумение, или вы не в курсе. Дом никто не купил. Господин Валевский, вы по-прежнему единственный хозяин! – в голосе собеседницы также слышалось явное удивление.

– Мы действительно говорим об одном и том же доме номер 53 по улице Ольховской в поселке Янтарный Калининградской области?

– Разумеется, – последовал ответ, от которого Влад опешил.

– Но как это возможно, если полгода назад я подписал документы для продажи дома? – недоумевая, переспросил он.

– Едва ли это возможно. Дом точно оформлен на Вас. И это не ошибка. Я звоню сказать, что если Вы все еще желаете продать дом, то Вам лучше привести его в более ухоженный вид. Клиенты, попросту говоря, разбегаются, когда ви-

дят, что там внутри, – собеседница замешкала. – Да и снаружи, надо сказать, все выглядит удручающе. Никто, знаете ли, не хочет вкладывать средства в уборку и вывоз мусора. Мало того, что район не самый удобный, так еще и сам дом совершенно непригоден для жилья! И мы не первое агентство, которое пыталось продать этот дом. Вы же и до нас заключали договора...

– Продайте за те деньги, которые предлагают! – воскликнул Влад в ответ, перебивая и не давая собеседнице закончить.

– Но никто не предлагает даже минимальной цены! Никто даже не звонит по поводу вашего дома. Ни одного звонка за лето... и весной я ездила всего пару раз показать объект. А ехать, знаете ли, не близко. Полтора часа минимум.

– И что вы от меня хотите? – более спокойно осведомился Валевский.

– Вам лучше приехать и решить проблему на месте. Вы же понимаете, почему дом не нравится покупателям?

– Догадываюсь, – сухо ответил он. – Меня больше волнует, почему он все еще мой, – многозначительно произнес он. – Хорошо, я что-нибудь придумаю, – сказал он риэлтору и попрощался. Агент пыталась сказать-то еще, но Валевский уже отключился.

Он задумался на некоторое время, пытаясь понять, как такое недоразумение могло произойти? Ведь старый дом в Янтарном был продан полгода назад или около того. Он точ-

но помнил, как подписывал бумаги.

– Екатерина Владимировна!

Секретарша незамедлительно возникла на пороге.

– Слушаю вас.

– Вы же говорили, что дом в Янтарном купили?

– Владислав Маркович, прошу прощения, но я работаю у вас только с мая. Должно быть, моя предшественница занималась этим делом. Я не в курсе. Но могу проверить, если Вам это нужно.

– Да, проверьте как можно скорее!

...

Спустя час Влад получил подтверждение тому, что дом в небольшом поселке городского типа на побережье Балтийского моря в Калининградской области, доставшийся ему более года назад в наследство от покойного дяди, действительно все еще принадлежит ему.

Нашлись и документы, которые, как он помнил, подписывал несколько месяцев назад. То был договор с агентством риэлтерских услуг, которое имело полномочия благодаря этому договору без присутствия хозяина показывать дом покупателям и проводить все необходимые процедуры для подготовки объекта к продаже. И доверенность для риэлтора на право предоставлять интересы Валиевского при продаже дома. С представительницей данного агентства Влад как раз

говорил сегодня по телефону.

Дом не представлял никакой ценности для него. Скорее наоборот, свалившееся наследство вызывало лишь раздражение. Влад поручил заниматься всеми формальностями касавшегося продажи недвижимости своей секретарше и благополучно забыл о доме, думая, что все уже давно улажено. Новость о том, что дом все еще принадлежит ему, стала для Валевского неожиданной.

Но, анализируя нынешнее положение дел и принимая во внимание вчерашнее заседание, она явно проигрывала, и Влад отодвинул ее на второй план. Однако забывать вовсе об этом он не собирался. Напротив, ему хотелось покончить с продажей ненужного имущества как можно скорее. И если для этого потребуются его присутствие, он найдет время, чтобы слетать в Калининград. Но не сейчас. Сейчас ему было необходимо уладить дела, касающиеся свидетеля, который должен будет появиться в суде на следующем заседании.

Владу нужно было поговорить с хозяином небольшого модельного агентства. Одна из девушек, работающая в нем, была тем самым ненужным свидетелем, о котором заговорил прокурор на вчерашнем заседании. Ее показания, безусловно, были не нужны Валевскому. И сам факт ее появления в суде привлек бы внимание прессы к его подзащитному и его образу жизни. Одним словом, лишние проблемы.

Ближе к вечеру Влад отправился на эту не самую приятную встречу. Но как только по нужному адресу никакого мо-

дельного агентства он не обнаружил, уверенность его в том, что все уладится, пошатнулась.

Ситуация принимала невыгодный во всех отношениях оборот для Владислава Валевского, и он испытывал ужасное раздражение от собственной беспомощности по этому поводу. Мало того, что он приехал на другой конец города, потратив на это уйму времени, так еще и оказалось, что это бесполезно.

Влад находился в отдаленном районе города и в небольшой местный бар забрел совершенно случайно, даже не взглянув на вывеску, которая многообещающе указывала на то, что заведение рассчитано преимущественно на мужскую аудиторию. Дорогих и шикарных кафе и баров, как в центре города, конечно, здесь не было, но Валевского это даже обрадовало. Едва ли здесь можно было наткнуться на знакомые лица.

Сейчас ему хотелось побыть одному. Влад пребывал в скверном настроении. Последнее время он почти постоянно испытывал безразличие ко всему происходящему. То ли сказывалась усталость от плотной занятости, то ли он уже был пресыщен всем, что наполняло его жизнь. Но все происходящее было каким-то однообразным, надуманным, безликим. Время, проведенное на работе, и время, проведенное вне офиса или здания суда, слились для Влада в один монотонный поток. Он терялся в этом потоке, не замечая ничего вокруг. Люди, места, события – все словно проходило ми-

мо, отдельно от него самого. Но он не обращал на это внимания, потому что все его мысли, как обычно, были поглощены лишь работой.

Влад решил, что бар, возле которого он оказался, вполне сойдет для того, чтобы провести здесь случайный вечер, и уверенно толкнул дверь. Зайдя внутрь, он понял, что попал в заведение не самого привычного для него формата. Но он остался.

Окинул скучающим взглядом помещение и немногочисленных девушек, которые танцевали на подмостках, и хотел уже было пройти к барной стойке, чтобы заказать себе выпить, когда его внимание привлекла невысокая девушка, танцующая на крошечной сцене вдалеке справа от него.

Валевский остановился и невольно принялся ее разглядывать. Он не мог понять, что именно его заинтересовало. Потому что красавицей она вовсе не была. Даже напротив. Возможно, дело было в том, что на фоне других она смотрелась словно инородный элемент: босоногая, с растрепанными волосами, какая-то угловатая и слишком худая. Но ее внешность отчего-то притягивала взгляд. Тяжелый грим на чересчур бледной, словно фарфоровой, коже делал ее лицо совершенно бесстрастным. Он лишь подчеркивал неподвижные тонкие черты, которые складывались в выражение застывшей маски. Ее костюм напоминал какие-то красные лохмотья, но не выглядел вульгарно, скорее несуразно. А распущенные длинные светлые волосы с кое-где темными,

почти черными прядями небрежно рассыпались по ее плечам и груди, то и дело скрывая лицо.

Кроме всего этого, девушка танцевала совсем иначе, чем другие. Она будто играла, только не на публику, а для себя, не замечая никого вокруг. Словно абстрагировалась от всего окружающего. В то время как другие девицы извлекали из танца как можно больше выгоды, а именно денег, щедро протягиваемых немногочисленными полупьяными гостями, эта девушка словно рассказывала танцем историю: то кружилась, то останавливалась, делая плавные движения, которые тут же снова переходили в более резкие. Если другие продавали себя, она – свое искусство, каким бы дешевым оно ни было.

Музыка нарастала, ритмы становились грубее. Влад огляделся и понял, что, похоже, только его одного привлекал ее странный танец. Все остальные посетители жадно пожирали глазами смуглую фигуристую девицу, которая извивалась на соседних подмостках. Влад снова перевел взгляд на ту, в красном, и обратил внимание, что, в отличие от других танцовщиц, которые поглядывали на посетителей, стараясь привлечь к себе их внимание, она смотрела куда-то вверх.

Непроизвольно он тоже поднял глаза к потолку, словно хотел разобраться в том, что же там такого интересного она видит. На потолке алым светом в тон ее наряда сияли искусственные звезды. Не заметив ничего, кроме этих пошлых огоньков, неизменного атрибута такого рода заведений, Влад

пожал плечами и отвернулся, сбрасывая оцепенение. Он решительно направился к барной стойке.

Музыка тем временем поменялась, а девушка в красном незаметно исчезла. Влад заказал себе выпивку и просидел в баре довольно долго. Он ушел за полночь. Ту девушку он больше не видел.

...

Несмотря на то что лето давно закончилось, погода стояла довольно теплая. Воздух днем прогревался настолько, что некоторые местные жители приходили на побережье, чтобы позагорать.

Однако сегодня солнца не было. Море было беспокойным, а берег – пустынным. Лишь одинокая фигура виднелась вдали. Это был какой-то человек, который неподвижно стоял у кромки воды или шел так медленно, что издали невозможно было разобрать.

Лиза сидела на старой деревянной скамейке и смотрела вдаль, на воду. Волны, подгоняемые несильным ветром, с легким шумом ударялись о берег, размеренно нарушая тишину. На какое-то время ветер стихал, и все вокруг становилось обманчиво спокойным, а воздух казался неподвижным. В такие мгновенья время словно застывало. Затем ветер снова принимался за свою работу, и вода приходила в неистовое движение, рассекая своим шумом тишину. В небе, громко

крича, бешено носились чайки, но их крики действовали на Лизу успокаивающе.

Вот уже неделю она приходила сюда каждый день. Просто посидеть у воды, слушая птиц и ощущая кожей ветер, который прилетал, казалось, из самого сердца моря. Все это было своего рода ее лекарством от мыслей. Здесь Лиза не думала о том, что произошло. В те часы, что она проводила на побережье, ее как бы ни существовало. Она ощущала себя бесплотной и невидимой оболочкой, которая являлась всего лишь частью чего-то необъятного, в чем Лиза растворялась без остатка. В ее голове не было места мыслям, тревогам и целям. Ее наполняла лишь пустота. Эта пустота была везде. Колючая, пронзительно острая, но такая же бесплотная и в то же время обволакивающая. Как вода.

Лиза полюбила встречать рассвет на побережье, сидя на скамейке и наблюдая, как свет маяка тускнеет в лучах восходящего солнца. Отчего-то смотреть на маяк ей нравилось больше всего. Она представляла, что в глухой темноте плавают корабли, для которых этот маяк является единственным проводником к берегу.

Здесь она часто вспоминала Вадима. Ей было жаль его бессмысленно прожитой жизни. Было жаль и своей жизни, которая становилась точь-в-точь такой же. И на Лизу волнами накатывало ощущение, что она делает что-то неправильно. Ощущение безысходности и этой проклятой пустоты. Но она не знала, что с этим поделать. Не знала, как что-то ис-

править. Не видела выхода. Да у нее и не было сил что-то исправлять. Она ничего не хотела, кроме спокойствия внутри.

Лиза почти не заметила, что лето сменилось осенью. Иногда она задумывалась о том, как поразительно быстро проходит время. Утекает, словно вода в землю. Но Лиза не замечала времени уже давно. Не осознавала его, как не осознавала своего возраста. Ей было двадцать два года, но ей казалось, что она всегда была одинаковой. Что выключилась в какой-то момент счетчик времени, а она этот момент пропустила и теперь навсегда остановилась в своем развитии.

Внезапно ветер усилился, и небо заволокло серыми тучами, сквозь которые солнце просвечивало бледным сгустком света. Лиза оглянулась по сторонам. Вокруг не было ни души. Лишь вдалеке выделялась та одинокая фигура человека, стоящего на месте.

Вечерело, и воздух заметно похолодел. Лиза поежилась в своей огромной вязаной кофте и подумала, что стоило одеваться теплее. Все-таки уже был конец сентября. Но, несмотря на холод, она не сдвинулась с места. Ей понравилось ощущение, которое она внезапно испытала.

Ей понравилось чувствовать хоть что-то.

Лиза достала из потрепанной сумки пачку сигарет и закурила. Последнее время она стала много курить. Много даже по своим собственным меркам. Но сигареты успокаивали. Эта привычка являлась своего рода опорой, ориентиром в ее никчемной жизни. Глупо, но именно так и было.

Лиза глубоко затянулась и посмотрела вдаль берега. Темная фигура увеличилась в размере. Человек приближался.

...

Спустя две недели после того, как Валеvский получил подтверждение информации о том, что дом в Янтарном действительно не был продан, он оправился в Калининград. В его напряженном графике выдалось немного свободного времени, и, несмотря на то, что впереди его ожидало два крупных дела, которые предполагали череду судебных заседаний, Влад решил на выходные слетать в Калининград, чтобы разобраться с вопросом продажи дома на месте.

Дом в поселке Янтарный в пятидесяти километрах от Калининграда он получил в наследство от умершего брата своего отца, дяди Володи. Полтора года назад старик скончался в больнице, куда попал незадолго до этого с обширным инфарктом. И с тех пор Влад не появлялся ни в Калининграде, ни уж тем более в Янтарном. Заботы о продаже дома он поручил местному агентству риэлтерских услуг.

Влад всерьез был уверен, что уже давно избавился от ненужного наследства, а вырученные за него деньги вложены в инвестиции. Во всяком случае, именно такие распоряжения он отдавал. И одному Богу известно, с чего безмозгая секретарша, которая работала у него в то время, решила, что дом продан. Или он сам что-то напутал? В любом случае,

теперь очевидно, что дом все еще принадлежит ему, и продать его пока не представляется возможным. Причина тому была настолько несуразна, что совершенно не укладывалась у Владислава в голове.

Хозяин дома, Владимир Иванович Валевский, был профессором Калининградского университета. Он занимался историей и археологией и имел не вполне адекватное, на взгляд своего племянника, хобби. Он коллекционировал старинные вещи. Но если бы это действительно был только достойный антиквариат! Так нет. Дядя Володя, кроме всего ценного, собрал в своем доме грошовое барахло, казалось, со всех уголков мира. Его двухэтажный коттедж был напичкан хламом разной степени дряхлости: мебель, книги, картины, посуда, предметы быта и еще куча всего было только малой долей того, что вмещало в себя его жилище, которое само по себе представляло памятник далекого прошлого.

После смерти хозяина дом остался в том же виде, и Владу, однако, не пришло в голову, что весь этот хлам станет препятствием для продажи недвижимости. Тем более не мог он подумать, что ему лично придется явиться в Калининград для решения этой, казалось, элементарной задачи. Но факт оставался фактом: никто из тех немногочисленных покупателей, которые в течение целого года заинтересовались данным объектом, не хотел покупать его. А продать дом Владу очень хотелось. Не из-за денег, а скорее из-за желания довести начатое дело до конца и покончить с этим. Ну и отча-

сти причиной было желание избавиться от навязчивых воспоминаний.

В этом доме прошло детство Влада. Каждое лето он приезжал к своему дяде и проводил три беззаботных месяца со своими друзьями, проживающими по соседству. Ребята были ровесниками и весело проводили время. Эти годы запомнились Владу как самые счастливые в его жизни. Но он вырос, и все изменилось. Он окончил школу, потупил в университет и перестал приезжать Янтарный. Годы шли, и он вовсе позабыл о том месте, где был так бесхитростно счастлив. Он был совсем другим тогда, но привык считать, что изменился не он сам, а мир вокруг, и испытать прежние чувства уже невозможно.

Прилетев в Калининград, Валевский остановился в гостинице, взял машину на прокат и первым делом отправился в агентство, которое занималось продажей дома. Его встретила та самая сотрудница, которая звонила ему в Питер. Она любезно порекомендовала Владиславу для начала привести дом в более или менее нормальное состояние, ссылаясь на то, что его просто-напросто невозможно нормально осмотреть из-за завалов вещей и мебели, через которые нужно протискиваться, чтобы попасть куда-либо дальше прихожей. И уже после этого выставлять на продажу.

Валевский попытался объяснить этой бестолковой, по его мнению, женщине, что завален работой, проживает в Санкт-Петербурге и у него попросту нет времени на подобные ве-

щи. Наконец, он предложил ей самой заняться этим за отдельную оплату, но получил твердый отказ, что буквально привело его в ярость. Поняв, что к обоюдному соглашению они не придут, он тут же отказался от услуг фирмы, забрал ключи от дома и покинул офис, не попрощавшись и громко захлопнув за собой дверь.

Позже, по пути в Янтарный, Влад подумал, что, возможно, погорячился так скоро отказаться от услуг этого агентства. В памяти всплыла информация о том, что оно не единственное в Калининграде, которое занималось продажей злополучного дома. А это означало, что, возможно, найти нового риэлтора, который возьмется за это, будет непросто. Но Влад решил, что разберется с этим позже. Пока он хотел сам взглянуть на дом.

Дорога из Калининграда в Янтарный заняла немного больше часа.

Дом встретил своего нового хозяина своим мрачным и унылым видом, но ничего другого увидеть он и не ожидал. Влад осмотрел дом с особой тщательностью и некоторой безразличностью и, наконец, когда полностью удостоверился, что его состояние еще более запущенное, чем он мог себе представить, вернулся в машину.

Нет ничего удивительного, что никто не хочет это покупать, – хмыкнул он про себя, осматривая обветшалый фасад и заброшенный заросший сад. Влад понял, что необходимо придумать, каким образом как можно быстрее привести дом

в порядок и, наконец, продать его, чтобы больше не возвращаться в эту забытую богом местность.

Выходные, проведенные в Калининграде, показалась Валевскому бесконечными. Не желая оставаться в доме, он вернулся в город в тот же день, как осмотрел свое наследство. Ему пришлось объехать несколько агентств Калининграда, занимающихся покупкой и продажей недвижимости, чтобы в каждом из них получить вежливый и настойчивый отказ. Скорее всего, слух о доме номер 53 по Ольховской улице поселка Янтарный Калининградской области уже облетел все агентства, если не весь мир, – с негодованием думал Влад. Это осложняло дело и раздражало все больше и больше.

Уже вечерело, когда он пришел на побережье. Хотелось пройтись и подумать. Влад бросил машину возле последнего кафе на береговой линии и пошел прогуляться вдоль моря.

Вокруг не было ни души.

Он размышлял о том, что мог позволить себе остаться в Калининграде еще максимум на пару дней. Владу хотелось раз и навсегда покончить с домом, чтобы не возвращаться к этому в будущем. Он подумал, что нужно нанять машину и грузчиков, чтобы разобрать весь хлам и вывезти его. После чего снова искать агента. Но что делать с ремонтом? В доме протекала крыша, и скрыть это невозможно. Значит, придется скинуть цену. Хоть даром отдавай эту развалину, – со злостью подумал он.

Внезапно Влад почувствовал усталость и какую-то опу-

стошенность. То ли от переизбытка кислорода, то ли от хронического недосыпа у него разболелась голова и стала тяжелой. Больше не хотелось думать о старом доме и всем, что с ним было связано. Хотелось отвлечься и расслабиться.

Он уже повернулся, чтобы уйти с берега прочь, как вдруг увидел вдали кого-то, сидящего на скамейке. Сам не зная зачем, Влад двинулся в ту сторону и, приблизившись, смог рассмотреть девушку, которая сидела на скамейке и, судя по клубам дыма, курила.

Неожиданно Влад понял, что тоже хочет закурить. В редкие минуты морального изнурения ему всегда нестерпимо хотелось сигарету. Он не имел привычки потакать своей слабости, считая курение недостойной привычкой. Но сейчас он особенно скверно себя чувствовал. Был усталым, расстроенным и вообще ощущал себя словно на взводе. Ему определенно было необходимо успокоить нервы. Пусть и таким банальным способом.

Влад прищурился и огляделся вокруг. Рядом по-прежнему не было ни души. Секунду помешкав, он неторопливо пошел в сторону девушки.

Влад подошел к ней со спины и с довольно приличного расстояния спросил без какого-либо приветствия:

– Сигаретой не угостите?

Он тут же заметил, как девушка вздрогнула от неожиданности и резко обернулась к нему вполоборота.

– Не хотел вас напугать, – произнес он, разглядывая ее

профиль.

– Ничего, – ответила она.

Не вставая, она протянула Владу полупустую пачку сигарет. При этом не взглянула на него и оставалась сидеть таким образом, что по-прежнему не было видно ее лица полностью.

– И зажигалку, если можно, – спросил Валевский, беря протягиваемые ему сигареты, на которые даже не опустил взгляд.

Девушка начала нервно рыться в своей тряпичной бесформенной сумке, а он в это время продолжал ее разглядывать, ожидая, как она сейчас вскинет подбородок и встретиться с ним глазами. Затем улыбнется и начнет заискивать в поисках предлога продолжить знакомство. Не то, чтобы Владу сейчас этого хотелось, скорее он просто привык к одинаковому сценарию, который предсказуемо разыгрывался, когда в его окружение появлялась незнакомая женщина.

Наконец, найдя зажигалку, девушка протянула ее через свое плечо, еще сильнее развернувшись лицом к морю. Но от Влада не ускользнуло, что, тем не менее, краем глаза она его видела. Поэтому, когда, прикурив, он протянул сигареты обратно, девушка покачала головой и быстро ответила:

– Там всего одна. Оставьте себе, – после чего встала, собираясь уйти прочь, но Влад ей помешал.

– Сегодня прохладно, – заметил он, окидывая девушку взглядом с головы до ног.

На ней были узкие черные джинсы, которые подчеркива-

ли тощие ноги. И светлая вязаная кофта непонятного фасона и такого огромного размера, что складывалось впечатление, будто снята с чужого плеча. Весь ее облик был бы ничем не примечателен, если бы не волосы, которые своим пшеничным цветом сливались с оттенком кофты. Темные, кое-где почти черные пряди, напротив, выделялись на ее светлом фоне. Пожалуй, эти слишком длинные и растрепанные волосы, скрывающие одну половину ее лица, являлись единственным, что привлекало к ней внимание.

– Да, – как-то машинально ответила девушка и замерла на секунду, стоя к Владу спиной вполоборота.

Продолжая рассматривать ее, он глубоко затаился и выпустил дым. Захотелось откашляться.

– Крепкие, – заметил он.

Девушка пожала плечами. И почему-то именно в это мгновение ее облик показался Владу смутно знакомым. Пристально сощурившись, он искоса посмотрел на нее более внимательно и сделал шаг ближе. Влад подумал, что мог бы поклясться, будто видел ее раньше. Сам не зная почему, но он непременно хотел вспомнить, где именно.

Девушка тем временем не подавала вида или действительно не замечала, что он ее разглядывает. От Влада не ускользнуло, что она явно нервничала в его присутствии. Она теребила в руках свою сумку, и это выдавало ее.

Когда она как бы между делом вскинула голову и посмотрела в небо, Валиевский понял, что, кажется, он припоминал,

где встречал ее ранее. Хотя? Слишком уж странное совпадение. И тогда было темно.

Он непроизвольно скривил губы в подобии улыбки. Что ж, есть способ проверить.

Влад усмехнулся и перевел взгляд на волны.

– Сколько? – тут же негромко спросил он, и его усмешка отразилась в тоне.

Девушка продолжала стоять к нему спиной и молчать, делая вид, что не слышала вопроса. Это озадачивало и почему-то одновременно раздражало. Влад ожидал совершенно иной реакции. Ему вдруг стало не по себе. Хотелось как можно скорее увидеть ее лицо, чтобы удостовериться, что это именно та девица в красных лохмотьях из забегаловки на окраине Питера. Хотя шанс встретить ее здесь, в Калининграде, был ничтожно мал. Скорее это должно было быть странной случайностью. Но тем было интереснее.

– Что сколько? – обернулась она наполовину, и Валеvский явно услышал в ее тоне пренебрежение.

Ему это не понравилось, но он повторил вопрос.

Снимать вот так на улице девку на ночь не было его привычкой. Однако сейчас он был не прочь небольшого развлечения. Почему нет? Она, конечно, совсем не в его вкусе, но что-то притягательное в ней, несомненно, было.

Владу хотелось увидеть ее лицо.

Когда его терпение уже иссякло, и он хотел было окликнуть ее снова, девушка, наконец, полностью обернулась к

нему, небрежным жестом откидывая с лица волосы.

Валевский застыл.

– Не нравится? – спросила она ледяным тоном, пристально глядя на мужчину.

Оба молчали. А потом она хмыкнула, и Влад готов был поклясться, что в ее глазах проскользнула ответная усмешка.

Он не сразу понял, что отрезвило его больше: синяки и кровоподтеки на ее припухшей скуле вкупе с наполовину разбитой нижней губой, или отчаянная, нечеловеческая злость, блеснувшая в ее светлых глазах.

Девушка смотрела на Влада с легким прищуром, даже не стараясь скрыть своего презрения.

Налетел ветер и своим порывом раскидал ее волосы. Они скрыли другую половину ее лица, оставляя синяки на виду. Несколько темных прядей выбилось из светлой массы и упало на ее плечи. Волосы разметались, но девушка даже не попыталась их убрать.

Влад смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд.

Он понимал, что еще секунду, и она развернется и уйдет прочь. Оставит после себя лишь злую насмешку, повисшую в воздухе, и запах сигаретного дыма, смешавшегося с тлетворным, слишком откровенным ароматом ее духов. И отчего-то Влада пронзила мысль, что позволить ей уйти он не может. Разбираться почему в этот момент, на его удивление, не особо хотелось.

– Вы меня превратно поняли, – медленно произнес он, не

отрывая взгляда от ее лица.

И понимая в тот момент, что это точно была она. Та девушка. Он не ошибся.

– Я видел вас в том клубе в Питере.

Влад хотел было обратиться к ней на “ты”, но отчего-то это показалось ему неуместным. Да и вообще, в том ли дело, как к ней обращаться?

Он заметил, как девушка непроизвольно встрепенулась, но глаз не отвела. Она продолжала разглядывать Валевского все с той же враждебностью и настороженностью, словно ожидая, что он выкинет нечто для нее опасное.

Она замерла, словно зверек, готовый кинуться в бой или обратиться в бегство.

– И что? – нехотя поинтересовалась девушка. – Если вы меня там видели, то, по-вашему, можно вот так подойти на улице и предложить деньги за... – она замешкалась. – Не по адресу обратились! – выпалила она срывающимся хриплым голосом и тут же резко развернулась, чтобы уйти прочь.

Валевского возмутила эта попытка поставить его на место. И он небрежно воскликнул ей вслед:

– К чему столько эмоций? Я не предлагаю вам деньги за то, что бы вы спали со мной, – в его голосе ясно прозвучало пренебрежение. – В этом плане, уж поверьте, вы меня ни сколько не интересуете!

Не то, чтобы он рассчитывал, что девушка остановится или хотя бы обернется. Влад уже потерял к ней всякий ин-

терес. Оставалось лишь только непонятное раздражение. И чувство неудовлетворенности. Просто он не привык, что ему отказывают. Вот так все банально. Всегда отказывает он, а не ему.

Однако, вопреки ожиданиям, девушка все же остановилась и медленно обернулась.

– И что же тогда вам нужно? – притворно любезным тоном поинтересовалась она, бросив на мужчину дерзкий взгляд.

Этого Влад не ожидал.

Он стоял, словно прикованный ее взглядом, и не мог проронить ни слова. Прежде девушка показалась ему совсем юной, но теперь он заметил, что это было не совсем так. Она была невысока ростом и достаточно худощава, что делало ее с первого взгляда похожей на подростка. Но, приглядевшись к ней внимательнее, Влад понял, что невозможно было угадать, сколько ей лет. Весь ее облик указывал на то, что едва ли больше двадцати. Но в то же время у нее был такой тусклый и усталый взгляд. Такой взрослый взгляд.

Валевский сделал шаг ближе и, выбросив недокуренную сигарету под ноги, развел руками:

– Хочу предложить вам работу.

И тут же удивился самому себе: что он несет?

Опрометчивая фраза вырвалась быстрее, прежде чем Влад успел обдумать ее последствия.

– Нормальную, – зачем-то добавил он.

– У меня уже есть. Спасибо, – с неестественным равноду-

шим ответила девушка.

– Я вижу. Но, судя по всему, это не лучшее место, где вы могли бы оказаться, – с неприкрытым сарказмом и едва уловимым сожалением, которое удивило его самого, ответил Влад.

– Моя работа меня полностью устраивает, – парировала девушка, давая понять, что разговор окончен. – До свидания.

– Ну еще бы, – с явной издевкой ответил Валевский, не в силах сдержаться. – Нисколько не сомневаюсь в этом. И ваше лицо – прямое тому доказательство. Ведь не будете же вы утверждать, что случайно упали и тому подобное, что принято говорить в таких случаях, – сказав это, он вскинул бровь. – Это же смешно! Это была бы слишком неубедительная ложь.

Влад пристально наблюдал за реакцией девушки на сказанное. Но она выдержала его взгляд и не стала отворачиваться или закрывать синяки волосами. Напротив, она даже едва заметно улыбнулась одним уголком губ.

Он мог бы поспорить, что ситуация ее почти забавляла. Хотя он ожидал отнюдь не такой реакции. Поведение девушки его почему-то очень раздражало и вгоняло в замешательство. Влад понимал, что пора было заканчивать этот бессмысленный диалог. Однако ему было любопытно наблюдать за происходящим.

– А вот это уже не ваше дело, – огрызнулась девушка.

– Конечно, не мое. Я просто предлагаю вам работу. Вам ведь нужны деньги? – спросил Валевский и тут же сам отве-

тил: – Кому они не нужны?! Назовите цену вашего времени, и мы обсудим детали.

– Привыкли все покупать? – сощурилась девушка. – Так вот, послушайте, я не по этой части.

– Потому что у всего есть цена, – Влад пожал плечами, отвечая на ее вопрос и игнорируя последнее утверждение. – В общем, если передумаете, заезжайте. Янтарный, улица Ольховская, 53. Последний дом на окраине, – последние слова он словно выплюнул.

И тут произошло нечто странное. Или ему показалось, или в глазах девушки действительно промелькнула растерянность и интерес.

– Повторите, – тихо произнесла она, хмуря брови.

– Янтарный, улица Ольховская, 53. Последний дом на окраине, – медленно и четко повторил Владислав, вглядываясь в ее лицо.

Девушка нахмурилась и поджала губы.

– И что там? – небрежно спросила она.

Влад пожал плечами:

– Дом. Всего лишь дом.

– Я имею в виду, что именно там нужно делать?

– Проконтролировать процесс приведения его в более презентабельный вид перед продажей. Заплачу пятьдесят тысяч за две недели. И не волнуйтесь, – Влад пренебрежительно скривился. – Я там не живу. Мне этим заниматься некогда, – добавил он после небольшой паузы.

Девушка промолчала. Она окинула Валеvского очередным презрительным взглядом и после недолгого замешательства резко бросила:

– Мне тоже.

После чего развернулась и быстро пошла прочь.

А Влад, провожая ее взглядом, почувствовал, как неприятный осадок из смеси досады и неудовлетворенности оседал внутри него. Это ощущение совершенно ему не нравилось, как и та зыбкость, которая появилась в его жизни, как он думал, с приездом в Калининград. И природа которой была ему неизвестна.

Он не мог отделаться от ощущения, что внутри него зародился невидимый маятник, который начал резко раскачиваться из стороны в сторону, нарушая тем самым внутренний порядок. Идеальную и нерушимую организацию его мыслей и поступков, которой он следовал годами.

Сбросив оцепенение, Влад резко развернулся и направился к тому месту, где оставил машину. Он принял решение плюнуть на все и сейчас же вернуться в Питер. Однако спустя каких-то полчаса, уже подходя к гостинице, передумал. Здравый смысл подсказывал ему, что, располагая еще парой свободных дней, стоило задержаться здесь для того, чтобы окончательно разделаться с вопросом продажи дома и тогда уже уехать отсюда навсегда.

Глава 2 Новая дверь

Осень – это опавшие листья и холодный ветер. Ветер, который несет листья на своих крыльях.

Иногда свою жизнь нужно отдать в руки такому вот ветру. Позволить ему подхватить ее на свои крылья. Ветер будет кидать ее из одной крайности в другую: сегодня он подарит слезы, а завтра – счастье. Но обязательно однажды он принесет ее туда, где душа найдет свой покой. Тогда ветер улетит, забрав с собой разочарование и боль.

Даже со дна ветер поднимает листья...

...

Лиза шла по дороге, и гравий шуршал под ее ногами, нарушая вечернюю тишину. Поблизости никого не было, но это ничуть ее не смущало. Она, напротив, была рада безлюдности вокруг.

Лиза шла не торопясь. По пути озиралась вокруг и разглядывала расположившиеся по обе стороны улицы небольшие домики с живописными ветвистыми садами. В этой части города она была всего несколько дней назад, но все равно плохо помнила, сколько еще идти до нужного ей места.

Слишком быстро темнело. Небо стремительно заволакивало темно-серыми, кое-где почти черными грозовыми тучами. Дождь, который собирался весь день, начал моросить внезапно. И Лиза накинула капюшон толстовки, пряча под

него волосы. Она застегнула куртку и ускорила шаг, подумав о том, что стоило бы выйти пораньше, чтобы успеть добраться до темноты. Лиза нервничала.

Городок, а точнее поселок городского типа, в котором она оказалась, был небольшим и спокойным. Но сейчас Лиза находилась в его самом отдаленном районе, а улица, по которой она шла, должна была привести ее еще дальше, на самую окраину.

Лиза могла бы поехать на такси, но передумала. Во-первых, ей нужно было экономить, а во-вторых, ей всегда нравилось ходить пешком. Кроме того, сейчас ей необходимо было время, чтобы еще раз все обдумать. Но в голове, как назло, не было ничего, кроме мыслей о том, что если дождь пойдет сильнее или того хуже, начнется ливень, то он застанет ее врасплох.

Лиза ощущала тревогу. Хотелось остановиться и перевести дух, но едва ли это помогло бы. И она старалась не замедлять шаг.

Примерно через полчаса она дошла почти до конца улицы и, завернув за высокие кусты, из-за которых тут же показалась уже знакомая ей крыша, оказалась между двух домов, стоящих по диагонали друг от друга. Это были крайние дома, помимо которых других жилых строений в конце улицы не было. Дорога, однако, тут не заканчивалась. Дальше она сужалась и вела через посадки к реке. Лиза увидела это на карте, которую изучала, когда искала это место впервые.

Дождь начал накрапывать сильнее, но Лиза остановилась, чтобы передохнуть и собраться с мыслями. Она осмотрелась, и ее взгляд невольно остановился на одном из домов – красивом аккуратном коттедже, выкрашенном в светло-розовый оттенок. Даже в сгущающихся сумерках он смотрелся как игрушечный. Два фонарика – один у калитки, второй у самой входной двери – прекрасно освещали участок. Ровные кусты и деревья занимали все пространство перед фасадом дома, а на убранных от опавших листьев газонах были разбиты немногочисленные симметричные клумбы.

Лиза с удовольствием разглядывала чудесный сад, искренне сожалея, что ей нужен не этот дом, а другой. Тот, что на противоположной стороне улицы...

Здесь жил знакомый Вадима. Незадолго до смерти Вадим, словно предчувствуя беду, не раз упоминал этого своего старого приятеля, живущего в небольшом городке в Калининградской области. Вадим вел с ним какие-то дела. Кажется, что-то у кого-то забирал по просьбе этого человека и отправлял ему по почте. Лиза хорошо помнила, как они с Вадимом несколько раз стояли в долгой очереди в почтовом отделении для того, чтобы отправить посылку. Лизе тогда было лет тринадцать-четырнадцать.

Намного позже, когда она уже выросла, Вадим говорил, что если вдруг она останется одна и у нее будут какие-либо трудности, в случае необходимости она всегда может обратиться к этому человеку. Они были давними приятелями, и

Вадим был уверен, что его друг поможет Лизе. Но Лиза Вадима не слушала. Она не хотела даже представлять, что останется без него. Поэтому, когда однажды он дал ей клочок бумаги, на котором был нацарапан адрес, Лиза не восприняла его слова всерьез и бумажку выбросила.

Прошло почти полгода после смерти Вадима, и много чего произошло, прежде чем она случайно нашла эту бумажку в кухонном шкафу. К тому времени в ее жизни наступили нелегкие дни, а о существование друга Вадима, живущего в городке, название которого ровным счетом ей ни о чем не говорило, Лиза и вовсе позабыла.

Вадим умер внезапно. И для Лизы это стало настоящим потрясением. С его смертью для нее все перевернулось вверх дном, и разом навалились серьезные проблемы.

Лиза не знала, что именно за дела он вел последнее месяцы перед смертью, но сразу после к ней пришли люди, которые представились его знакомыми и которым он якобы задолжал деньги. Много денег. Сумма была настолько большая, что Лиза не могла и представить, где можно взять такие деньги.

Эти люди сказали Лизе, что ей придется выплачивать долг или работать на них. Последнее означало продавать кое-что запрещенное в баре, где она работала официанткой, или в другом подобном месте. Лиза отказалась. Она испугалась. Связываться с такими делами она категорически не желала, поэтому договорилась о выплате долга частями.

На работе в баре она получала не так уж много, и выкручивалась до тех пор, пока с нее не начали требовать все больше и больше. Ей объяснили, что чем больше времени проходит, тем большие проценты ложатся на сумму, увеличивая ее. Но она не могла ничего с этим поделать.

У нее не было ничего, что можно было бы продать и тем самым расплатиться с долгами Вадима. До его смерти они снимали комнату в коммуналке, и никаких накоплений у них не было. Но этим людям было все равно. Они требовали и требовали. Сначала напоминали, потом запугивали и угрожали. В итоге Лиза послала всех к чертям.

На следующий день ее встретили после работы и избili так сильно, что несколько дней она не выходила из дома. Ее уволили с работы. И она не знала, что делать. Остаться в Питере было не безопасно. Ее положение было таким отчаянным, что она готова была последовать за кем угодно и куда угодно, лишь бы это было выходом из ее положения.

Та смятая бумажка, на которой Вадим написал адрес, стала для Лизы своего рода шансом. Именно тогда она осознала, что дорога, по которой шла, внезапно оборвалась, и теперь ей придется искать новую. Начинать все с нуля. Одной.

И Лиза решилась. Уехала из холодного Питера в неизвестность, не оставляя после себя никакого следа.

Так она очутилась в городе, где ветер нес запах соли в лицо, а небо огромным покрывалом укутывало с головой, укрывая от боли, живущей внутри нее, и страха, ставшего ее

вечным спутником.

Как только оказалась в Калининграде, Лиза первым делом отправилась на вокзал и села на автобус до Янтарного. Но по нужному адресу она увидела лишь двухэтажную развалюху: заброшенный дом с одичалым садом и покосившимся забором, около которого в кустах виднелась потрескавшаяся вывеска с указанием, что дом продается. На всякий случай постучавшись, Лиза помялась несколько минут на пороге и ушла.

Вернувшись в Калининград, она позвонила по указанному на вывеске телефону и выяснила в агентстве, которое занималось продажей дома, что его хозяин скончался более года назад и с тех пор дом выставлен на продажу. Женщина-риэлтор, с которой Лиза говорила по телефону, с готовностью предложила показать ей, как она выразилась, дом с прекрасным садом и весьма выгодной ценой, если, конечно, ее заинтересовал данный объект. Но Лиза повесила трубку, даже не дослушав до конца.

В тот день она долго бродила по городу, пытаясь понять, что ей делать дальше. Лиза сама не заметила, как пришла на побережье. Несмотря на вторую половину сентября, погода стояла довольно теплая, и она, не раздумывая, сняла кеды и долго ходила босиком по прохладной воде, наслаждаясь ее ласкающими волнами и слушая их шум. Лиза подбирала камни и соревновалась сама с собой, кидая их как можно дальше в море. Море заставило ее улыбаться. И она оценила

это.

Она жадно хватала свежий морской воздух, но все равно не могла насытиться им. Она поняла, насколько ей все осточертело: прежняя работа, эти пьяные рожи и ночи, проведенные в помещении бара, где совсем нечем дышать. Где она задыхалась. Лиза чувствовала себя полуживой.

Пожалуй, именно тогда она решила, что не хочет возвращаться в Питер. Там у нее ничего не осталось. Только воспоминания, которые она хотела бы навсегда стереть из своей памяти. И если Питер был городом воспоминаний, ее недавнего прошлого, то незнакомый Калининград стал шансом начать жизнь с чистого листа.

Денег, которые были, едва хватало на оплату нескольких дней в недорогой гостинице. Поэтому первым делом Лиза начала с поиска работы. Но ей везде отказывали из-за отсутствия опыта или она сама отказывалась по причине слишком сложных для нее условий. Она не хотела стоять за прилавком и мило улыбаться посетителям магазинов и тп. От улыбок у нее начинало болеть лицо. Она не хотела отвечать на телефонные звонки или работать официанткой, как прежде. Она хотела приходить, выполнять, уходить. Молча, без улыбок, без общения. Немаловажным фактом было то, что ей нужна была неофициальная работа, а таких вариантов подворачивалось не так уж много.

Лиза проваливала немногочисленные собеседования одно за другим. Она стеснялась своих синяков на лице, кото-

рые, хотя и тщательно замазывала косметикой, все равно были заметны. Вела себя неуверенно и боязливо. После того как ее избили прямо на улице, она ощущала опасность, исходившую буквально отовсюду.

В итоге время проходило, а она не могла найти ничего подходящего. Она отчаялась. Не знала, что ей делать, и чувствовала себя очень измотанной. Было ощущение, что все двери разом закрылись для нее.

Лиза не думала о том, что возможно, просто пока еще не подошла к нужной.

В тот день она плюнула на все: на поиски работы, на синяки, на время. Она просто сидела на уже полюбившейся ей скамейке на городском пляже Калининграда, когда к ней подошел тот мужчина. И эта странная встреча с незнакомцем, который, предлагая сомнительную работу, назвал ей тот самый адрес, что дал Вадим, не на шутку взбудоражила Лизу. Что это было? Странная случайность?

Ошибки быть не могло. Адрес он назвал тот же.

Лиза непроизвольно вспомнила человека, который, видимо, теперь являлся хозяином этого дома. Ее почти передернуло при воспоминании о том, с каким презрением он с ней говорил. Ее откровенно взбесил этот самодовольный сноб, который явно привык платить за все и получать все, что ни пожелает. Но, размышляя над тем, почему она все-таки решилась рассмотреть его предложение, Лиза поняла, что, несмотря на то, каким неприятным показался ей этот чело-

век, он не вызывал у нее чувство страха. К удивлению, его поведение как будто было ей понятно и не вызывало ничего, кроме раздражения и снисходительной усмешки.

Но все же Лиза не знала, правильно ли она поступает. Она никогда не решилась бы идти в незнакомый дом к незнакомому человеку, тем более к такому неприятному типу. Но сейчас она находилась в таком отчаянии, что не видела другого выхода.

Вчера она весь день думала о нем. Она словно не могла выкинуть этого человека из головы. Или, скорее, его неожиданное предложение. Точнее, предложение, сделанное неожиданно вовремя. Ведь если этот человек и правда готов заплатить ей пятьдесят тысяч за две недели, как обещал, то для нее это станет отличным выходом из положения. Правда, Лиза не совсем поняла, что именно нужно было делать. Но это уже детали. Главное, что перебирая в голове все возможные варианты, этот неизменно казался ей самым простым.

Дождь прекратился. И Лиза скинула капюшон. Она прислушалась к тишине вокруг, которая была оглушающей. Весь мир, казалось, замер. Затаился в ожидании грозы или... беды?

Вокруг было мрачно и сыро. Лиза оглянулась назад. На дорогу. Дорога была пустая. Может вернуться? – подумала вдруг девушка. Что-то пугало ее или скорее настораживало. Лиза не торопилась принимать решение, боясь выбрать неверное.

Она постояла на месте какое-то время и сделала еще несколько шагов вперед, подходя ближе к дому. Лиза остановилась напротив него и принялась разглядывать ветхие доски, которые когда-то представляли собой забор. Она смотрела на мрачный, ничем не освещенный сад и вывеску с объявлением о продаже, на которой краска уже настолько облупилась, что почти слезла. И свыкалась с ощущением внутри себя. То было ощущение неизбежности происходящего.

Вдруг снова пошел дождь. Лиза прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Она прошла еще немного, вглядываясь в темноту, и остановилась напротив ветхой металлической калитки в каменном арочном проеме, которому, должно быть, было уже не меньше века.

Калитка со скрипом открылась, стоило ее лишь немного подтолкнуть. И Лиза шагнула в нее с мыслью о том, что даже если она и согласится на эту работу, она не станет тут жить. Или только до тех пор, пока не сможет найти что-то поблизости и более приличное.

Эта мысль, безусловно, ободряла.

Девушка зашла в сад и огляделась по сторонам. Сад перед домом был восхитительным, несмотря на его запущенность. Деревья на фоне осеннего серого неба выглядели огромными черными великанами, а кусты, которые давно никто не прореживал, были словно укрыты одеялом из опавших листьев и выглядели в темноте так, словно были нарисованы кистью художника. Дорожка к дому давно заросла травой

и теперь представляла собой лишь узкую тропинку. Дождь сделал свое дело, и размякшая земля превратилась в грязь, хлюпающую под ногами. Подходя ближе к дому Лиза старалась наступать аккуратнее, чтобы на ее кроссовки не налипло слишком много земли.

Дом в темноте выглядел еще более заброшенным. Безмолвным черным силуэтом он вырисовывался на фоне неба и слегка пугал своей угрюмостью. Все окна на втором этаже были темными, и Лиза вдруг поняла главную причину своей тревоги. Что она будет делать, если никого не окажется дома?

За разросшимся кустарником и деревьями не было видно, горит ли свет хотя бы в одном из окон первого этажа. Но, подойдя ближе, она, наконец, увидела тусклый отблеск в одной из комнат. Этот свет отнюдь не показался ей гостеприимным, но, тем не менее, обрадовал и немного развеял опасения.

В доме явно кто-то был.

Лиза поднялась на веранду и несмело постучала в дверь.

Дождь усилился. Но едва ли она это заметила, потому что в ответ на ее стук дверь тут же открылась, и на пороге возник мужчина, с которым она разговаривала позавчера на побережье. От неожиданности Лиза вздрогнула.

Мужчина сделал шаг за порог, ей навстречу. Он сложил руки на груди, и его высокая фигура закрыла собой почти весь дверной проем.

Стоило поздороваться или сказать хоть что-то, но Лиза не могла выдавить из себя ни слова. Она смотрела на него и молчала. Он, в свою очередь, тоже не торопился заговорить с ней. Просто стоял и смотрел ей в глаза.

Лизу охватил страх. Она нервно сглотнула и приоткрыла рот, чтобы все же произнести хоть что-то. Но мужчина ее определил:

– Так и будете здесь стоять? – его голос прозвучал холодно и ровно.

– Вы не предлагаете войти, – ответила Лиза, пытаясь придать тону непринужденность.

Вышло неважно.

– А должен? – мужчина свел брови на переносице.

Лиза замешкала, не зная, что ответить. Она продолжала смотреть на него. Если в прошлый раз она не особо обратила внимание на внешность этого человека, то сейчас рассмотрела его более пристально.

Он был угрюмый и некрасивый. Небрежно лежащие русые волосы средней длины подчеркивали резкие черты его лица, а пристальный холодный взгляд и тонкий изгиб губ, которые, как показалось Лизе, при виде нее он скривил в противной ухмылке, лишь усиливали отталкивающее впечатление от его лица.

Мужчина был одет в черные брюки и темно-серый тонкий свитер с высоким горлом. Он был высокий, намного выше, чем показался Лизе впервые. И худощавый. На вид ему мож-

но было дать около тридцати пяти – сорока лет.

Его облик не просто показался Лизе непривлекательным или неприятным, он вызвал у нее какое-то непонятное чувство тревоги. Наверное, все дело было в его взгляде: холодном, выпытывающем, презрительном и отчужденном. Лиза подумала, что за этой отчужденностью могло скрываться все что угодно. От этого взгляда было не по себе. Было ощущение, что он словно разрезал тебя на части.

Лиза отвела глаза в сторону и сказала:

– Я подумала над вашим предложением.

Дождь пошел еще сильнее и слова тонули в его шуме.

Лиза сглотнула, готовясь продолжить. Она поняла, что, похоже, нормального разговора все равно не выйдет, и решила сразу перейти к делу. Она хотела спросить, в чем конкретно заключается работа, о которой он говорил, но мужчина не дал ей этого сделать.

– Неужели? – спросил он, вскидывая бровь, и в его голосе ясно послышалось притворное удивление и намек на усмешку.

Лиза сделала вид, что издевка совершенно ее не тронула. Однако она не нашлась, что ответить. А он, видимо, расценил ее молчание как смущение, потому что довольно фыркнул и отступил в сторону.

– Прошу, – сказал он, пропуская гостью в дом.

Лиза переступила с ноги на ногу, но с места не сдвинулась. Она колебалась. Думала, стоит ли заходить в раскрытую пе-

ред ней дверь, или все же это не лучшее решение?

Хозяин дома стоял все это время в дверном проеме и разглядывал девушку. Он больше не проронил ни слова. Словно тоже ждал, передумает она или нет.

Наконец Лиза поджала губы и проскользнула мимо него в дом. Мужчина тут же захлопнул за ней дверь и повернулся к двери спиной, полностью заслоняя собой. Он снова скрестил руки на груди и молча уставился на Лизу.

Она отступила немного назад и оказалась в коридоре, который выполнял функцию прихожей и в то же время вел в какую-то комнату, скрытую в темноте. Лиза быстро оглянулась по сторонам, но в планировке дома было сложно что-то понять, потому что в помещении царил полумрак, и повсюду была расставлена мебель.

– Так что вам нужно? – мужчина вопросительно посмотрел на нее. – Деньги и крыша над головой?

Это было сказано с такой злой насмешкой, что Лиза невольно растерялась. Она вдруг поняла, как унижительно выглядит ее визит.

– У меня есть где жить, – соврала она как можно более уверенно. – И работа, – добавила тут же, но поняла, что сморозила глупость.

– О, да, я помню, – мужчина глухо рассмеялся в ответ, не дав ей закончить.

Его явно развеселила ее уверенность. Он отошел от двери и сел на подлокотник кресла, стоящего в углу. Теперь он хотя

бы не смотрел на Лизу с высоты своего роста.

– Так что же, вы пришли сюда из любопытства? – он снова неприятно ухмыльнулся, довольный впечатлением, которое его слова произвели на девушку. – Похоже, это не так. А посему смею предположить, что работы вы лишились. Дайте-ка взглянуть на ваше лицо, – мужчина склонил голову, вглядываясь в лицо Лизы, и она непроизвольно отшатнулась.

– Эта работа, полагаю, была для вас единственной возможностью свести концы с концами? – сказав это, мужчина замолчал, продолжая разглядывать Лизу.

Он наблюдал за ней и словно выжидал момент, чтобы сказать еще что-то. Не дождавшись какого-либо ответа, он развел руки в стороны, словно давая понять этим жестом, что продолжать ему нет смысла.

От возмущения и растерянности Лиза не могла выдать ни слова. Еще никто не разговаривал с ней таким безапелляционным тоном, даже не давая возможности защититься. Его голос звучал резко и властно, словно он даже не допускал, что ему можно возразить.

– Что ж, мое предложение действительно могло бы стать для вас выходом, – будто размышляя вслух, заключил хозяин дома.

Должно быть, он ожидал от Лизы защитной реакции, может быть, негодования или, напротив, смиренного согласия. Но она мешкала, и, судя по всему, это его удивляло. Этот разговор выглядел как сопротивление, в котором ни один не

хотел уступать. Однако, решив, что продолжать его бессмысленно и глупо, Лиза, наконец, спокойно спросила:

– Так что вы хотели мне предложить?

И в тот же миг она готова была поклясться, что увидела триумф в его глазах. Еще бы! Она согласилась с его правотой, и он услышал в ее голосе просьбу.

Лиза непроизвольно фыркнула, поняв, что он не так уж непредсказуем, как кажется. Точнее, хочет казаться таковым, а на деле является просто позером, привыкшим самоутверждаться за счет других. Его, пожалуй, стоило бы пожалеть, – подумала она про себя. И эта мысль придала ей уверенности.

– Это ваш дом? – спросила она почти любезно.

Лизе не терпелось удовлетворить свое любопытство. Она не успела толком осмотреться, когда вошла, и сейчас быстро окинула взглядом пространство, отмечая про себя детали.

– Это имеет значение? – спросил мужчина.

– Я просто задала интересующий меня вопрос, – в тон ему ответила Лиза.

– Этот дом мне необходимо продать, и как можно скорее. А с тем агентством, которое занималось этим, несомненно, сложным для них делом, я потерял лишь время и терпение, а вместе с тем и надежду поскорее избавиться от этой дыры, – презрительно ответил хозяин дома и отвернулся. – Это дом моего дяди, который давно умер. Что-то еще вас интересует? – с неприкрытым раздражением спросил он, уже снова

глядя на Лизу.

Не так уж и давно, – промелькнула у нее мысль, но озвучивать ее Лиза не стала. Ни к чему привлечь к себе внимание лишней осведомленностью. Что ж, тогда все проясняется, – подумала она.

– Дом не покупают, – констатируя, сказала Лиза вслух.

– Хлам, который в доме не покупают, – ответил мужчина. – От него нужно избавиться.

– Дом плохо выглядит снаружи, – задумчиво произнесла Лиза.

– Если вы заметили, то изнутри он выглядит еще хуже, – хозяин скривился в ответ, и Лиза услышала, как в его голосе промелькнула неприязнь.

Она сделала пару шагов по коридору и заглянула в большую темную комнату. Комната вся была заставлена мебелью и завалена какими-то вещами. С потолка вода почти ручьем стекала на полуразвалившийся комод.

Если весь дом такой, неудивительно, что его никто не хочет покупать, – отметила Лиза про себя, но вслух говорить ничего не стала.

– Вы имеете в виду все эти вещи? – спросила она. – Но ведь, возможно, они ценные и их можно продать?

Мужчина в ответ лишь вскинул брови.

– Мне нужно лишь одно – продать дом, а для этого он должен быть чист от этих, как вы выразились, «ценностей». Делайте с ними, что хотите. А лучше выбросьте все это.

– Так вы готовы за *это* мне платить? – Лиза вопросительно посмотрела на него.

– И, полагаю, вы согласны?!

Она нахмурилась и опустила глаза. Лиза неопределенно пожалала плечами, потому что не поняла, вопрос это был или утверждение.

Она посмотрела на хозяина дома более пристально и спросила:

– А вы здесь не живете?

– Ну конечно, нет. Я живу в Санкт-Петербурге. И в данный момент планирую вернуться туда, так как имею неотложные дела. Мое имя Владислав Валевский. Я адвокат. Мне некогда заниматься всем этим, – мужчина небрежным жестом указал на обстановку в доме.

– Понятно.

– Если мы договорились, то дом в вашем, не побоюсь этого слова, полном распоряжении, – произнеся это, Валевский взглянул на свои наручные часы. – Я с этим домом и вами потерял кучу времени, – холодно произнес он. – Жить можете здесь же, – продолжил он, вставая. – На втором этаже три комнаты, можете выбирать любую. Я вернусь через пару недель, и к этому времени дом должен быть в приличном состоянии. Я хочу как можно скорее избавиться от него. О средствах не беспокойтесь. Главное, чтобы из дома вывезли все это старье, починили крышу, которая безнадежно протекает, и привели сад в божеский вид. Найдите рабочих и про-

контролируйте это. Надеюсь, это понятно?

Лиза снова пожала плечами и коротко кивнула.

– Вполне.

– Вот и славно.

Сказав это, Валевский снял с вешалки черную куртку и надел ее. Затем вытащил из ее внутреннего кармана конверт и, шагнув навстречу Лизе, всучил ей. После чего быстро вышел на веранду и, не закрывая за собой дверь, продолжил говорить на ходу о том, что в конверте ключи от дома и деньги на ремонт.

Лиза поплелась следом, обдумывая, стоит ли попросить подбросить ее до города. Потому что в ее планы не входило оставаться одной в этом доме. Тем более на ночь.

– Он, похоже, на всю ночь, – запрокидывая голову и вглядываясь в небо, произнес Валевский.

Лиза не сразу поняла, о чем речь.

– Что? – переспросила она, но ответа не последовало.

Валевский даже не взглянул на нее.

– Если у вас возникнут проблемы, можете звонить мне на мобильный, – холодно бросил он, идя к машине.

Открыв дверцу, он обернулся и нахмурился:

– Как вас по имени?

Лиза встретилась с ним взглядом и промолчала. Она словно раздумывала над ответом на этот простой вопрос.

– Лиза, – едва слышно произнесла она спустя какое-то время и потупила взгляд.

– Хорошо. Так вот, Лиза, будьте так добры запомнить, что времени на обсуждение всякой ерунды у меня нет, поэтому рекомендую решать все вопросы самостоятельно, – медленно, немного растягивая слова и делая явный акцент на ее имени, сказал Валевский.

Произнеся это, он, не прощаясь, сел в машину и захлопнул дверцу. Негромко взревев, автомобиль почти сразу стремительно сорвался с места, оставляя в воздухе неприятный запах бензина.

– Так я и не знаю вашего телефона, – задумчиво произнесла Лиза ему вслед.

Но ее слова потонули в шуме усиливающегося дождя, укрываясь от которого, она поспешила вернуться в дом.

Глава 3 Дом на окраине

Иногда мы ищем то, чего искать вовсе не нужно. Иногда то, что нам не нужно, находит нас само. Но чаще всего не нужно искать вообще ничего.

Все уже найдено.

...

Лиза стояла на веранде и смотрела на то, как сад перед домом заливало водой. Шел сильный обложной дождь. Нудный в своем шуме и беспрерывный в своем монотонном дей-

ствии. Лил и лил. И не было никаких шансов, что он в скором времени закончится.

Поеживаясь от холода, Лиза представляла, какого ей будет возвращаться на автобус пешком по дороге под таким ливнем. Она всматривалась в обложное небо, до последнего надеясь, что ей повезет и дождь прекратится. Но он шел слишком настойчиво. Шумел и шумел по крыше, то усиливаясь и переходя в настоящий ливень, то немного утихая, но не прекращаясь вовсе. И Лиза понимала: едва ли он закончится к рассвету.

Она хотела вызвать такси, чтобы убраться из дома Валевского поскорее, но к своему несчастью, обнаружила, что стационарного телефона в доме нет, а мобильного у нее не было. Его разбили те люди, которые требовали вернуть долг Вадима. А новый покупать Лиза пока не стала. Пожалела денег.

Она докурила очередную сигарету и зашла в дом. Некоторое время помялась в прихожей, затем заглянула в большую темную комнату и прошла на кухню. Включила свет и огляделась.

Помещение кухни было довольно просторным и менее всего заставленным всяким хламом. Вдоль одной стены стоял стол, по обеим его сторонам – два старых кресла с деревянными подлокотниками, к одному из которых был придвинут продавленный стул. Второй обнаружился в углу, и на нем были свалены кипой газеты, пустые пластиковые бутылки и целлофановые пакеты.

Напротив стола в углу на табуретке стоял старый телевизор, похожий на те, что делали в 70-80 годы. За ним стоял современный холодильник и еще что-то белое и квадратное, высотой достигающее Лизе до половины туловища. Приглядевшись, она поняла, что это допотопная стиральная машинка. Также у стены напротив находилась мойка и стоял еще один стол, или скорее тумба, которая использовалась в качестве рабочего стола.

Лиза покрутила краны. Вода шла только холодная. Неудивительно, – подумала она про себя. Ведь котел отопления, который, по-видимому, подавал горячую воду, был выключен. Она обнаружила его в углу и оглядела со всех сторон: большой и грязный, он своим мрачным видом выделялся на фоне стены рядом с газовой плитой.

Плита на удивление работала, и Лиза поставила в старом железном чайнике воду на чай. Она пошарила в огромном серванте, доверху наполненном всякой кухонной утварью и не только ей, и нашла несколько пакетиков чая.

Пока грелся чайник, Лиза осмотрела остальное помещение. Кухня была разделена на две половины высокой аркой, что делало ее похожей на грот. В другой ее части располагался встроенный в стену шкаф и стояла гладильная доска. Большое окно с непрозрачными стеклами занимало половину стены, а рядом с ним находилась дверь и возле нее на стене выключатель. Лиза щелкнула им, и в углублении кухни зажегся неяркий свет, делая ее немного уютнее.

В стене напротив шкафа находилась еще одна дверь. Она вела в неплохо оборудованный санузел, половину которого занимала чугунная ванна. Было особенно заметно, что сюда давно никто не заходил. Повсюду росла паутина и стоял запах сырости и затхлости. Из-за того, что заржавели петли, дверь открылась не полностью, и, заглянув внутрь, Лиза сразу закрыла ее.

Дверь возле окна вела на задний двор. Лиза зажгла фонарь, висевший на стене над этой дверью, и его свет осветил пространство.

Прямо напротив выхода из кухни стояла ветхая постройка. Что это было – летняя кухня или хозяйственный сарай, Лиза не поняла, потому что дверь туда была забита, а через мутное окно ничего, кроме темноты она не увидела.

Задний двор представлял собой узкий проход между глухим забором и стеной дома. И все его пространство занимали всевозможные вещи: одноногие стулья, сложенные друг на друга, какие-то баки и ведра, металлический остов кровати, два холодильника, велосипед, мотор или генератор, разбитый телевизор и еще много всего по мелочи, начиная от битой посуды и заканчивая разорванной обувью. Одни только доски и тонкие рейки занимали уйму места, стоя собранными в охапки на протяжении всего забора.

Дождь немного стих и, накинув капюшон, Лиза решилась выйти из дома. Пройдя вдоль забора, она оказалась у глухой калитки, которая была закрыта. Попробовав ручку, которая

не поддавалась, девушка оглянулась по сторонам, ища глазами то, на что можно было встать и посмотреть, что снаружи. Наконец, найдя подходящий ящик, придвинутый к забору, Лиза встала на него и высунулась через забор. В полумраке она увидела деревья и дикие кустарники, а также едва заметную в высокой траве тропинку, ведущую от калитки куда-то вверх.

Лиза оперлась локтями на забор и положила подбородок на сложенные руки. Она глубоко вздохнула и уставилась в пространство перед собой. Было ощущение полной изоляции от внешнего мира. И это ощущение Лизе нравилось, потому что дарило спокойствие, которого она не чувствовала уже очень и очень давно.

Лиза постояла так еще некоторое время, вдыхая влажный воздух, и вернулась в кухню. Чайник давно закипел, и идущий из носика пар нагрел воздух в помещении. Лиза выключила конфорку под ним и плеснула кипятка в чашку, которую оставила на столе. Она не знала, чем заняться, и, чтобы хоть как-то убить время, не придумала ничего лучше, чем отправиться в путешествие по дому.

Сначала она заглянула на лестницу, ведущую на второй этаж, но не торопилась подниматься туда. Лиза вернулась по коридору в прихожую, из которой можно было попасть в комнаты первого этажа.

В первую комнату она уже заглядывала, пока разговаривала с хозяином дома. Эта комната, по всему видимому, ко-

гда-то служила гостиной. Двери в нее не было, но был проем в стене, который являлся входом. Он был настолько широким, что из середины комнаты легко можно было увидеть лестницу вверх, которая примыкала к стене кухни.

Дверь, за которой скрывалась вторая комната, располагалась по диагонали от входа в гостиную. За ней оказалась большая комната, осмотреть которую Лизе не удалось из-за отсутствия в ней света. Она пошарила рукой по стене в поисках выключателя, но когда, наконец, нашла его и пощелкала туда-сюда, поняла, что это бесполезно. Свет в комнате так и не загорелся. Лиза закрыла дверь и вернулась в большую комнату.

Так называемая гостиная занимала добрую половину всего первого этажа. Эта комната была просто огромной. Из-за сильной захламленности мебелью и вещами добраться до ее северной стены было практически невозможно. Но Лиза была довольно худощава и без труда протиснулась сквозь завалы к дальним окнам.

Она обернулась и посмотрела на освещенный коридор. Лиза подумала, что из этого темного угла комната производила впечатление непроходимой чащи. Немного пугающее ощущение усиливал тусклый свет электрической лампочки, который отбрасывал тени на зеркала и сваленные кое-где стеклянные бутылки и посуду и отражался от поверхности некоторых вещей.

Лиза отвернулась к окну и протерла его ладонью. Она на-

прасно всматривалась в темноту, пытаясь разглядеть в ней хоть что-то. Но ничего, кроме пожухлой травы и земли, размокшей из-за дождя, она не увидела.

Медленно обходя гостиную, Лиза осматривала все и до-трагивалась руками до всего, что вызывало у нее любопытство. С первых мгновений пребывания в этом доме ее пора-зил живой интерес, который у нее появился впервые за очень долгое время. Словно ребенок в магазине игрушек, погло-щенный восторгом от происходящего и потерявший ощущение времени, она осматривала предметы и трогала их рука-ми, полностью отдаваясь новым впечатлениям. Мир сузился для нее до этого дома, до этой комнаты, кроме которой сей-час там, снаружи, ничего не существовало.

Время здесь словно застыло, и все заснуло, – думала про себя Лиза, рассматривая вещи из разных эпох, покрытые гу-стым слоем пыли. Чего здесь только не было: мебель, совсем старая и отреставрированная, гравюры и статуэтки, вазы для цветов, детские игрушки, елочные украшения, книги, посу-да. И это далеко не все. Должно быть, хозяин собирал анти-квариат со всего мира. Лиза даже не могла представить, что в небольшом двухэтажном доме можно хранить столько ин-тересных вещей. Даже несмотря на слои пыли и оберточную бумагу, Лизе удалось разглядеть их истинную красоту.

Большинство вещей представляли собой действительную ценность. Но было здесь и то, что, по ее мнению, действи-тельно стоило бы давно выбросить: кипы бумаг, какие-то

карты, чертежи, подшивки газет, коробки, в которых лежали старые журналы, поломанные музыкальные пластинки и еще куча всякого хлама. Лиза заглянула только в пару коробок, до которых смогла дотянуться.

Она была поражена ощущением духа времени и старины, которыми был отмечен здесь каждый предмет, даже самый маленький и незначительный. Ей было жаль, что ко всем этим вещам столько времени никто не прикасался. Что они портятся в этом доме, вместо того, чтобы находиться в более достойном месте, где каждая из них могла бы выполнять свою главную функцию – передать воспоминания о прошлом.

Осмотрев гостиную, Лиза поднялась на второй этаж и обнаружила темный коридор. Она не без труда нашла выключатель и зажгла свет.

В коридоре оказалось четыре двери, расположенные в шахматном порядке. Первая комната, дверь которой была приоткрыта, оказалась гостевой. Кроме обычной для спальни мебели – шкафа, стола, стульев, здесь не было больше ничего, и обстановка смотрелась скучной, холодной и неудобной. Вся комната была какой-то мрачной и серой. Даже занавески на окнах были слишком серыми и сливались с оттенком стен.

Лиза зашла в эту комнату, огляделась и поняла, что ее занял нынешний хозяин. Она догадалась об этом по некоторым вещам, по-видимому, забытыми им. На заправленной

кровати лежал бежевый свитер, на столе – изящная шариковая ручка, зарядка для телефона, несколько листов формата А4, исписанных неровным мелким почерком, и зажигалка, в которой Лиза узнала свою. Все эти вещи слишком выделялись на фоне простого деревенского интерьера комнаты. Лиза почувствовала себя в этой комнате особенно неуютно. То ли от того, что завывающий ветер здесь было слышно особенно сильно, то ли от ощущения недавнего присутствия господина Валевского.

Лиза забрала зажигалку и вышла.

По сравнению с этой большой квадратной комнатой, две другие, которые она осмотрела, были скромнее по размеру. Но вмещали значительно больше мебели и всего прочего, что прежний хозяин бережно хранил в своем доме. Одна из комнат явно служила владельцу при жизни спальней.

Разглядывая ее, Лиза подумала, что ей наверняка бы понравился человек, живущий здесь. Она с любопытством рассмотрела книги, которые заметно отличались от тех, что она видела в гостиной. Эти не были упакованы в бумагу или распиханы по коробкам. Они стояли ровными рядами на полках и стеллажах. Похоже, что это были книги, к которым владелец часто обращался. На их корешках осела пыль, и Лиза провела ладонью по нескольким, стирая ее и читая названия. В основном это были научные издания, посвященные мировой истории и искусству.

На прикроватной тумбочке лежала кипа журналов, и Лиза

перебрала несколько из них. Это были издания по истории, географии, геологии, а также целые серии, посвященные нумизматике, искусству и антиквариату. Особое внимание Лизы привлекли каталоги с аукционов прошлых лет, лежащие отдельно.

Ей понравилось то, как все в этой комнате было устроено. По углам, на столах и тумбах стояло несколько настольных ламп с разными абажурами, и, возможно, не все из них включались по вечерам для освещения, но смотрелись они вместе очень уютно. Пол покрывали запыленные коврики, а старые или скорее старинные обои на стенах с причудливым витиеватым узором делали эту комнату особенно теплой и живой. На стенах были развешаны картины, которые Лиза долго разглядывала, пытаясь понять, о чем хотел рассказать художник на каждой из них и почему владелец дома выбрал именно их для своей спальни. Неброские пейзажи, глядя на которые отчего-то щемило в груди и появлялось ощущение, что она уже видела их когда-то вживую, а сейчас просто вспомнила.

Дверь в третью комнату была самая старая. Белая краска с нее почти полностью облупилась, и дверь выглядела очень обшарпанной. Эта комната тоже понравилась Лизе. Она выглядела довольно просто: светло-серые стены, молочно-белые лёгкие занавески на окнах, коричневый голый пол. В этой комнате было все необходимое: широкая кровать, шкаф, стол, тумба с выдвижным ящиком и несколько сту-

льев. В стене напротив кровати находилась еще одна дверь. Открыв ее, Лиза обнаружила ванную комнату.

В отличие от предыдущих, расположенных на правой стороне и выходящих окнами в сад перед домом, эта была единственной спальней на противоположной стороне. Из окон ее открывался вид на пустошь, вдоль которой тянулась проселочная дорога, росли многочисленные кустарники и деревья.

В этой комнате Лиза обнаружила крошечный балкон. Она открыла стеклянную скрипучую дверь и вышла наружу. Прямо под балконом росло дерево, крона которого раскинулась настолько пышно, что некоторые ветви легли на перила, практически доставая до окна.

Подставив руку под дождь, Лиза почувствовала, как прохладная и скользкая вода коснулась ее ладони. Она поднесла руку к лицу и вдохнула приятный запах осени. И в этот момент вдруг подумала о том, как здорово было бы иметь такую комнату и выходить на этот балкон каждую ночь, когда не спится. И вдыхать запахи каждого времени года, различая все их оттенки.

Лиза постояла еще немного в темноте, слушая шум дождя и вспоминая их с Вадимом комнату в Питере. В ней было большое окно с широким подоконником, и Лиза любила сидеть на нем, особенно когда на улице шел дождь. И рассматривать людей на улице.

Она глубоко вздохнула и зажмурилась. Потом открыла глаза и шагнула обратно в комнату. Когда Лиза закрыла за

собой дверь на балкон, в комнате сразу стало значительно тише. Потому что дождь на улице разошелся сильнее.

Лиза обошла весь дом и осмотрела все жилые комнаты наверху. Из них только три оказались спальнями. Четвертая была обустроена под кладовку. В ней была лестница, которая вела на чердак. Но туда она не полезла.

Она провела весь вечер в ожидании, когда закончится проклятый дождь. Но он шел словно нарочно, лишь усиливаясь. Лиза поняла, что на автобус до города ей уже не успеть, и была раздосадована таким поворотом событий, потому что не планировала проводить ночь в чужом, почти заброшенном доме. Но ей ничего не оставалось, как смириться с неизбежностью и остаться.

На ночь Лиза устроилась в гостиной на стареньком диване, стоящем почти посередине комнаты, напротив камина. В комодке нашелся плед, но он сильно отсырел, и она оставила его проветриваться на стуле, а сама укрылась своей курткой. Она долго пыталась заснуть, но у нее ничего не выходило. Сон не шел. И, глядя в окно на молочное небо, Лиза невольно возвращалась в мыслях и воспоминаниях к своему прошлому.

Она думала о том, что сейчас в ее жизни настал период, который Вадим любил называть «временем без берега и дна». Будучи девчонкой, она не понимала смысла и всей глубины этой фразы, но сейчас, когда осталась одна, почувствовала на себе, какого это может быть. Вадим, правда, говорил

так, когда ему неоткуда было взять денег, но сейчас это уже не имело значения. Главное было в смысле, а он заключался в безвыходности. И Лиза чувствовала сейчас эту безысходность всем своим существом.

У нее никогда не было семьи. Она рано лишилась матери, отца не знала вовсе и была вынуждена воспитываться в детском доме. Иногда она попадала в приемные семьи. Закрытая и неприветливая девочка не приживалась ни в одной из них. Она постоянно сбегала, или от нее отказывались по причине невозможности установить с ней хоть какой-то контакт. Лиза привыкла не иметь постоянства, не иметь дома и семьи, а жить, как получится, одним днем. Но однажды произошло кое-что, изменившее ее жизнь навсегда. Именно в то время она встретила Вадима.

Когда-то давно он был одним из многочисленных друзей ее матери. Лиза тогда была совсем ребенком, но из всех мужчин матери Вадима запомнила особенно. Он всегда был добр к ней, часто играл, приносил сладости или просто говорил что-то хорошее. И вот, спустя годы, Вадим случайно встретился Лизе и пришел на помощь. Она нуждалась в этом как никогда.

Лизе было тринадцать, когда Вадим вытащил ее с улицы, где она бродяжничала после того, как сбежала из последней приемной семьи. За те три месяца, что прожила в ней, Лизе пришлось очень несладко. Возвращаться в детский дом, чтобы снова оказаться в подобной семье, она категорически

не желала.

Вадим взял ее к себе и позволил остаться. Когда ей исполнилось четырнадцать, он сделал ей документы через своих знакомых. И на следующие несколько лет заменил Лизе отца и мать. Вадим любил ее как свою собственную дочь и по-своему в ней нуждался. У него не было семьи, не было своих собственных детей. Он жил одним днем. О Лизе заботился, как умел. Но ей было с ним хорошо. Впервые в жизни она была не один на один с этим жестоким миром.

Лиза долгое время не понимала, чем именно Вадим занимался. Когда узнала, что он приторговывал наркотиками, ей было уже все равно. Она лишь хотела, чтобы он был рядом.

Они часто переезжали. Снимали в основном комнаты в коммуналках. Каждый раз, когда переселялись в очередную, Вадим безрассудно верил, что они начинают новую жизнь. Им повезет, и он найдет работу, завяжет с наркотиками, и, в конце концов, они накопят денег, чтобы перебраться в более приличное место. Но ничего не менялось. Мечты всегда оставались лишь мечтами. Работа если и была, то временная. Обычно Вадим. Просаживая первые же деньги, он пропадал на несколько дней, вынуждая Лизу заботиться о себе самой.

Но, несмотря ни на что, она любила его и верила ему. Просто потому, что больше ей некому было верить. Некому и не во что.

Лиза выросла, окончила школу и устроилась на работу. Шло время, и наступил период, когда она думала, что все на-

лаживается. Они перебрались в очередную коммуналку. Вадим нашел работу, о которой, однако, отказывался говорить. А Лиза и не спрашивала. Она рано научилась чувствовать грань, за которую иногда не стоило даже заглядывать. Позже, думая о том времени, она понимала, что просто боялась узнать правду.

Она привыкла к нужде и лишениям, а тогда в их с Вадимом жизни появилось так называемое благополучие. Хотя в глубине души Лиза и подозревала, что оно было иллюзорным. Она старалась не думать о том, что придет время и их легкая жизнь закончится. Однако она не могла и представить, что все оборвется так внезапно.

По ночам она работала официанткой в баре и однажды под утро, вернувшись с работы, увидела Вадима с его старыми приятелями. Лиза поняла, что это неслучайно, и ее подозрения вскоре оправдались. Он снова взялся за старое.

Спустя какое-то время, точно так же придя домой, она обнаружила его с остекленевшими глазами. Лиза вызвала скорую. Вадима отвезли в больницу. Но спустя несколько часов он умер от передозировки. Спасти его не удалось.

С тех пор прошло более полугода. Но Лиза все равно иногда ловила себя на том, что ищет его глазами в толпе.

Первое время она продолжала жить в их комнате. Продолжала ходить на опостылевшую работу, пока хватало терпения. Лиза старалась не позволять себе думать о том, что произошло. И не думать о будущем. И ей это почти удава-

лось. Почти, потому что всегда, когда возвращалась домой перед рассветом, в час, когда бывает особенно темно и тихо, она кожей ощущала свое одиночество.

Возвращение домой в такие моменты стало для нее своеобразным испытанием: повернуть ключ, войти в комнату, бросить сумку и услышать тишину. Внутри все противно сжималось, и чувство безысходности накатывало особенно сильно. И тогда Лиза впадала в странную апатию, с которой не могла справиться. Она усмехалась и качала головой, словно досадной нелепости, которая с ней произошла.

Редко в тишине и темноте, глядя в окно и слушая, как шуршат от летнего ветра листья на огромных деревьях, она плакала почти бесшумно, не всхлипывая и не меняясь в лице. Слезы просто сами собой стекали по щекам, но Лизу в это время разрывало изнутри от этой самой безысходности и тупой боли.

Внутри нее поселилась пустота, которую сначала она пыталась прогнать. Искала всевозможные способы. Что-то делала, потому что знала – Вадим хотел бы этого. Но пустота заполняла ее все больше и больше. И Лиза поняла, что с этой пустотой ничего не поделать.

Оказалось, что она и не осознавала, насколько сильно была привязана к Вадиму. После его смерти Лиза почувствовала свое одиночество особенно остро. Внутри нее словно что-то оборвалось, и ей стало плевать на свою жизнь. Она сдалась, и все пошло под откос. Было ощущение, что не оста-

лось ничего ценного и ничего стоящего в ее жизни. Никакого смысла.

Так могло бы продолжаться очень долго, если бы не то, что случилось. Почему-то именно сейчас Лиза подумала о том, что если бы ее не избили люди, которым Вадим задолжал крупную сумму денег, и она не повстречала бы Владислава Валевского, то не оказалась бы в этом странном доме.

Лиза понимала, что эта работа на данный момент была действительно неплохим и, возможно, единственным для нее вариантом. Она сможет заработать денег, не беспокоясь о том, где жить, и решить, что делать дальше. Тем более, что хозяин дома присутствовать здесь не будет.

При воспоминании о Валевском внутри все неприятно сжалось. Несмотря на то, что на этот раз он вел себя более любезно по сравнению с их первой встречей, Лизе эта любезность показалась насквозь фальшивой. Все в нем настроживало и беспокоило. Он словно пытался спрятать за своей непроницаемостью нечто такое, чего Лиза никак не могла понять. Лиза подумала о том, что она никогда больше не хотела бы встречаться с этим человеком.

Лиза поджала ноги к груди и свернулась под свое курткой клубочком. Она ощутила, как навалилась усталость, а ее веки начали слипаться. Не хотелось больше ни о чем думать и ни о чем переживать. Лиза решила, что завтра утром она уедет отсюда и еще раз все хорошенько обдумает. Только эта мысль все еще крутилась в ее голове, но незаметно исчезла

и она. И Лиза заснула.

Когда наступило утро, в комнате все еще стоял полумрак. Тучи рассеивались постепенно, а свет почти не проникал сквозь обложные облака. В дом он и вовсе не просачивался через давно немытые окна, завешенные видавшими видами занавесками.

Лиза задремала только перед рассветом. Открыв глаза, она мгновенно вспомнила, где находится, и сон тут же исчез. Она настороженно прислушалась к шуму снаружи. Затем встала, чтобы подойти к окну и убедиться в том, что ее не показалось. Лиза глубоко вздохнула, увидев серо-белое небо и дождь, который лился непрекращающимся потоком.

Ее снова ждало разочарование.

Лиза вышла на кухню, где, пошарив в шкафчиках, нашла еще несколько пакетиков чая. Спустя некоторое время она вернулась в гостиную с чашкой крепкого чая и уселась на коробки, плотно придвинутые к узкому подоконнику.

Лиза принялась рассматривать заброшенный сад перед домом. Это был красивый сад, в котором росло много деревьев и кустарников. И который при хорошем уходе мог бы выглядеть сказочно, – подумала она. Она размышляла так же о том, что сказал ей новый владелец по поводу дома, а точнее всего имущества, в нем находящегося.

Лиза вспомнила, что перед тем, как уехать, Валеvский отдал ей конверт. Она нахмурилась, пытаясь вспомнить, куда его положила. И, поискав конверт глазами, встала, чтобы

включить свет.

Конверт лежал на столике в коридоре. Лиза открыла его и увидела внутри ключи от дома, деньги и визитку темно-синего цвета, на которой было написано название фирмы, имя и номера телефонов. Так же внутри были деньги. Пересчитав купюры, Лиза подумала, что хозяин, по-видимому, рехнулся, потому что сумма оказалась внушительной: в три раза больше, чем та, которую он обещал заплатить Лизе за ее работу. На эти деньги здесь, наверное, можно сделать небольшой ремонт, – подумала она. Что ж, чего-чего, а щедрости ему не занимать, – хмыкнула она про себя.

Лиза вернулась в гостиную и уселась на диван, поджав под себя ноги. Она нахмурилась, раздумывая над тем, что тревожило ее больше. То, что хозяин дома, не спросив ее согласия, всучил ей приличную сумму денег и дал указания привести дом в порядок за пару недель, тем самым рассчитывая на ее безоговорочное подчинение. Или то, что сам он исчез, не оставив ей выбора? Неужели он не предполагал, что она может просто исчезнуть, прихватив с собой деньги? Значит, он так уверен в ее порядочности? Но он же ее совсем не знает...

У Лизы сложилось впечатление, что вчера, несмотря на то, что Валевский собирался уезжать, он словно дожидался кого-то. А еще ей показалось, что он не был сильно удивлен ее визиту. Вопреки тому, как нарочито небрежно с ней разговаривал, как предлагал работу, словно делая одолжение. А

потом отдал ей этот конверт. Заранее приготовленный конверт.

Конечно, все это могло быть ее домыслом. Но если это действительно так, то значит ли это, что он был изначально уверен в том, что она придет? Лиза вдруг поняла, что этот человек словно знал о ней намного больше, чем ей бы того хотелось. И что в какой-то мере она позволила ему собой манипулировать.

Лиза подумала о том, что может быть, еще не поздно отказаться? Но эта мысль тут же улетучилась, уступив место другой. Мысли о том, что уже произошло что-то важное, очень быстро и без ее согласия. Внутренний голосок осадил Лизу за опрометчивость. И она подумала о том, что действительно лучшим для нее решением будет уйти отсюда и придумать другой выход из своего положения.

Эта мысль показалась правильной и немного успокоила. Но как быть с деньгами? Забрать их себе она не могла. Оставить в доме и просто уйти – тоже не лучший вариант. Придется звонить этому Валевскому и говорить, что она отказывается от его предложения. Дурацкая ситуация, – подумала Лиза.

Ощущение досады и беспомощности злило. Кроме злости была растерянность. Которая лишь росла внутри с того самого дня, когда она увидела этот дом впервые. У Лизы появилось ощущение перемен, которым она не могла, не в силах была сопротивляться. Так бывает. Решает за тебя кто-то,

ведет, направляет и подталкивает всеми возможными способами. И можно противиться, но все равно придешь к тому конечному, что должно быть твоим. И никуда от этого не деться.

Чтобы собраться с мыслями и как-то отвлечься Лиза, снова пошла бродить по дому, осматривая все его комнаты. В тусклом дневном свете он казался еще более старым и ветхим, а вещи словно застывшими на месте.

Сначала Лиза отправилась в ту комнату, которая располагалась по диагонали от гостиной. Вчера она уже заходила сюда, но из-за отсутствия света не смогла ничего тут разглядеть. Теперь же увидела, что это была небольшая, вдвое меньше гостиной, комната. Сплошные окна почти до самого потолка занимали весь ее угол, сглаживая его. И позволяя свету проникать в самую ее глубину. Когда Лиза распахнула тяжелые шторы, то поняла, что это была самая светлая комната в доме.

Из мебели здесь стоял письменный стол, несколько стульев, два кресла и небольшой журнальный столик между ними, прямо у окна. Кресла были повернуты спинками к окну, и Лиза подумала, что было бы лучше развернуть их, и тогда можно сидеть и смотреть на сад. В голове у нее непроизвольно рождались картины, как мог бы выглядеть дом и при должном уходе.

Многочисленные полки и стеллажи вдоль стен были заставлены коробками и завалены какими-то вещами, место

которым, по мнению Лизы, уже давно было на помойке. Вместо них на полках стоило расставить книги, которые стопками лежали прямо на полу и мебели. Книг было огромное количество. Про себя Лиза сразу же прозвала эту комнату библиотекой.

Из какой-то стопки она вытащила книгу, смахнула пыль и прочитала название. Это были Сказки Оскара Уайльда. Лиза развернула одно из кресел к окну вполоборота и, устроившись в нем с ногами, открыла книгу.

Строчки, словно ниточки, потянулись друг за другом, унося Лизу все дальше и дальше в мир волшебных миров и сказочных персонажей. Она настолько увлеклась, что совсем позабыла, где находится и чего ждет.

Дождь тем временем так и не прекращался. То утихал, то снова начинался. Лиза лишь изредка поднимала глаза от страниц и долго всматривалась в пелену за окном, словно размышляя над прочитанным. Но на самом деле мысли ее были очень далеко отсюда. Она совсем не замечала времени.

Наконец ее отвлекла наступившая тишина. Лиза поняла, что капли больше не шумят по крыше. И, значит, дождь прекратился. Она закрыла книгу и окинула взглядом комнату. Лиза подумала о том, что когда впервые ступила на порог этого старого дома, едва ли представляла, что ей предстоит задержаться тут почти на сутки. Но поймала себя на мысли, что ей здесь понравилось. Понравилась тишина, царившая в стенах этого дома, понравился запах книг, дерева и ни

с чем несравнимый запах старины. Все здесь дышало этой стариной. И еще чужими воспоминаниями. Словно все эти вещи, принадлежащие разным людям, сотням людей, сохраняли частичку каждого из них. А этот дом вместил в себя сотни таких частичек людских душ и стал пристанищем для каждой из них. И словно живой организм жил своей размеренной и тихой жизнью. Забытый всеми, он словно даже не нуждался в присутствии человека.

Лиза встала и потянулась. Мышцы затекли, и хотелось есть. Она чувствовала себя очень уставшей. Пока дождь не начался снова нужно было поторапливаться, но Лиза не спешила. Она оглядывала стопки книг и задавалась вопросом: как появилась здесь каждая из них? Сколько еще мудрых книг здесь есть? Сколько еще ответов она могла бы найти?

Посмотрев на томик Уайльда, который все еще держала в руках, она подумала, что эта книга попала ей в руки не случайно. Что-то особенное Лиза в ней прочитала, и в ее душе наступил покой, а голове порядок. Страх вдруг испарился, и она поняла, что почти улыбается. Пусть всего лишь на время.

Лиза вернула книгу на место и вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Она надела куртку, взяла сумку, брошенную в прихожей, и еще раз окинула коридор внимательным взглядом. После чего вышла на веранду.

На улице было тепло, но все дышало сыростью. От земли поднимались испарения, которые превращались в густой туман, а воздух стал настолько влажным, что казался непо-

движным и тяжелым.

На веранде Лиза застыла на некоторое время, вглядываясь вдаль и глубоко вдыхая свежий, напоенный озоном воздух до тех пор, пока внезапная неяркая вспышка высоко в небе не выдернула ее из оцепенения, предупреждая, что этот штитель на небе будет недолгим и дождь может снова начаться в любую минуту.

Лиза заперла дверь и, повертев ключ в руке, сунула его в ложбинку между стеной дома и спинкой скамейки, которая была приставлена к дому. Торопливо спустившись по ветхим скрипучим ступенькам, она направилась к калитке, осторожно наступая, чтобы не поскользнуться на грязи, в которую превратилась тропинка, ведущая к дому.

Глава 4 Коридор

Так бывает, что, выйдя в коридор, мы не идем дальше к следующей комнате, а садимся под закрытой дверью, из которой только что вышли.

В коридоре все двери одинаковые, но последняя комната лишь за одной.

...

Город все сильнее накрывали тяжелые темно-синие, почти черные тучи. Северный ветер дул с самого утра, но сей-

час, когда время уже близилось к вечеру, его скорость увеличилась настолько, что под его порывами почти сгибались деревья, которые из окон двенадцатого этажа казались совсем тоненькими.

Владислав Валеvский стоял у окна уже более получаса, задумчиво глядя в одну точку где-то в пространстве, не замечая ничего вокруг. В том числе и бушевавшую непогоду. Намного мрачнее, чем за окном, было у него на душе. Раз за разом он прокручивал в голове сегодняшнее судебное заседание, пытаясь понять, с какого момента перестал контролировать ситуацию.

Влад никак не мог определить, что именно пошло не так. Но сегодня его обычная уверенность и лихость, с которыми он выступал перед судом, не производили должного впечатления. У прокурора находились новые вопросы, о которые разбивались вдребезги все его аргументы, и он был вынужден молча принимать очередное поражение. Каждый раз это было как удар хлыста по лицу. Особенно если учитывать, что он был просто уверен в том, что выиграет это дело.

Дело, в котором обвиняемым выступал не обыкновенный человек, а государственный чиновник, должно было принести Владу особые почести и еще большую славу на профессиональном поприще, а вместо этого принесло ему поражение. И не просто поражение, а реальную угрозу его карьере и репутации.

Политик обвинялся в убийстве молодой девушки, ка-

кой-то неизвестной манекенщицы, с которой он был не единожды замечен в течение последних нескольких недель перед ее смертью. Как утверждал сам клиент, его элементарно подставил коллега, желающий таким образом занять пост обвиняемого. По большому счету, Владу было наплевать, убивал он девчонку или нет. От него требовалось доказать невиновность клиента и сделать это как можно аккуратнее, чтобы восстановить и так изрядно потрепанную репутацию политика.

Вся сложность заключалась в том, что те факты, которые раскопал Влад, задачу весьма усложняли, доказывая обратное. В данном деле фигурировал ненужный свидетель, а именно еще одна девушка, которая в тот вечер была в компании подзащитного Валева. Ее показания могли усугубить положение обвиняемого. И как только Влад узнал об этой девушке, он тут же начал действовать. Не дожидаясь, пока ее вызовут для дачи свидетельских показаний.

Он решил уладить вопрос основательно. С владельцем модельного агентства, где работали обе девушки, он договорился без проблем. В обмен на его молчание о некоторой, не совсем законной деятельности данного агентства, Владу требовалось гарантированное молчание девушки, даже если она предстанет в суде.

Что касалось самой свидетельницы, то с ней он не церемонился. Достаточно было короткого разговора, в котором он довольно доходчиво, как ему показалось, объяснил деви-

це, что в случае, если она высунется и даст неправильные показания, ее ждет незавидная судьба. Он угрожал свидетелю, что было прямым нарушением его профессиональной этики. Но эта невинная угроза, как думал Валевский тогда, не могла сыграть значительную роль в этом деле. А в итоге обернулась катастрофой, – с этой мыслью Влад отвернулся от окна, потому что дверь резко открылась, и в кабинет стремительно влетел его партнер Максим Стахов.

Со Стаховым они вместе начинали карьеру и вели дела уже несколько лет. Существенная разница в характерах не мешала им быть не только коллегами, но и приятелями.

У Максима, в отличие от Влада, был более легкий характер. Он всегда старался найти компромисс в той или иной ситуации и, как правило, редко выходил из себя. Но сейчас достаточно было бросить на него один короткий взгляд, чтобы понять, что Стахов в ярости. Обычно его смуглое лицо со спокойным на нем выражением сейчас казалось заметно побледневшим, а карие глаза были словно налиты кровью.

– Как ты вообще мог додуматься до такого? – начал Максим с порога, и в его голосе кроме злости, слышалось еще и неприкрытое изумление.

– Не надо мне ничего говорить о нравственности, – почти выплевывая слова, ответил ему Влад, уже готовый к тому, что разговор потребует всех его дипломатических способностей.

– Нет уж, послушай! – резко возразил Стахов, – Влад, ты

знаешь, что ты натворил? Ты вообще понимаешь, под какой удар ты нас поставил? Мы претендуем на имя одной из крупнейших адвокатских фирм! Ты знаешь, какие деньги мы получаем? Какие деньги имеем только благодаря нашему имени? Ты, черт возьми, сам себя угробил и меня за собой потащил! И дело тут не в чертовой нравственности, а в твоей заносчивости, которая уже переходит все границы. Твоей задачей было защищать клиента и защитить, в конце концов, чего бы тебе это не стоило! – восклицал Максим с негодованием.

– Чего бы мне это не стоило! Вот именно! – рявкнул в ответ Валевский. – Эта девка должна была молчать!

– Ты решил обхитрить прокурора, выставив его полным идиотом, а в итоге несовершеннолетняя шлюха обхитрила тебя! – Максим почти выкрикнул это.

Он прошелся туда-сюда по кабинету, желая успокоиться, но у него ничего не выходило. Влад и раньше раздражал его своей самоуверенностью, но его поступки никогда ранее не приводили к каким-либо непредсказуемым последствиям. Напротив, методы Влада всегда были продуманы, а его действия четко организованы и спланированы на несколько ходов вперед. Максим не переставал удивляться, как его партнер умудрялся защищать очевидно виновных клиентов. Но в нынешней ситуации он, казалось, потерял голову и вел себя совершенно бездумно.

Максим заметил, что Влад вообще последнее время стал

какой-то рассеянный и безучастный ко всему происходящему. Эта отрешенность появилась в нем, как только он вернулся из своей недавней вынужденной поездки в Калининград по каким-то личным делам. Его настроение стало часто меняться – от необоснованной агрессии до странной меланхолии, а сам он выглядел каким-то отстраненным.

– Чтобы обхитрить меня, надо быть мною. Кто ей поверит? – отозвался Влад, и в его голосе послышалась нескрываемая злость.

Невольно он вспомнил лицо девушки, о которой они говорили. Симпатичная мордашка с раскрашенными острыми стрелками глазами, в которых, когда Влад начал с ней разговаривать, промелькнул испуг, а потом сменился некой дерзостью и едва уловимым злорадством, когда она поняла, о чем именно пойдет речь и кем являлся человек, стоящий перед ней. Влад заметил, что ее словно забавляло происходящее, и она не воспринимала его угрозы всерьез. Но подумал, что ему показалось. Он решил, что девчонка нарочно хорохорится, пытаясь справиться со своим страхом.

– Сейчас вопрос стоит не в том, чтобы поверили ей. Сейчас перед судом только ты и твои методы взаимодействия со свидетелем! И не забывай про доказательства, которые она предоставила, – продолжая ходить из одного конца кабинета в другой, восклицал Максим.

Валевский перевел на партнера тяжелый взгляд.

– Она не блефовала, – развел руками Стахов, обраща-

ваясь на Влада. – У нее действительно диктофонная запись вашего с ней разговора, в котором ты напрямую угрожаешь ей, принуждая давать ложные показания. Это скандал, Влад! Это статья! – сокрушался он. – Она не просто заговорила о том, о чем не стоило даже упоминать. Она подставила тебя, мой друг! Причем подставила по-крупному, предоставив эту запись суду! Судья в ярости! Твои методы, по его словам, не то что недопустимы, они оскорбительны для всей федеральной палаты адвокатов. Ты только послушай: известный адвокат угрожает свидетелю! Да твоя репутация будет похоронена под ворохом подобных заявлений! О деле можешь забыть! Вообще о своей карьере можешь забыть! – почти выкрикивая все это, Стахов даже покраснел от напряжения.

Влад молчал в ответ. Ему вдруг стало нестерпимо душно. Захотелось выйти на улицу и вдохнуть холодный воздух. В эту минуту он почему-то вспомнил влажный, свежий и тяжелый воздух морского побережья, на которое пришел в предпоследний день своего пребывания в Калининграде. От этого внезапного воспоминания Влад недовольно поморщился и тут же постарался переключить внимание на партнера. Он принял непринужденную позу, засунув руки в карманы брюк, и, не глядя на Максима, бросил довольно раздраженным тоном:

– Подожди, пройдет несколько дней, и все утрясется.

– Влад, ты, похоже, еще не осознал до конца, что ты сделал. Ничего не утрясется. Наоборот, скандал только начнет

разрастаться. И тебе не отвертеться, – качая головой, произнес Максим.

Он подошел к письменному столу и, поставив на него руки, опустил голову вниз. Влад посмотрел на него незаинтересованным взглядом и ничего не ответил. Повисла тишина.

– Ты мог бы хоть мне сказать, что там была еще одна девушка? – устало спросил Стахов после некоторой паузы.

– Когда что-то знают двое, это знает уже весь мир, – нехотя ответил ему Влад и нахмурился, отворачиваясь к окну.

Он понял, что продолжать этот разговор было бессмысленно.

– Ты стал настоящим параноиком. Ты хочешь держать все под своим контролем, управлять всем, чем только можно. И людьми, в том числе, – понизив голос, сказал Максим, обращаясь к широкой спине Валевского. – И главное, людьми, Влад.

После этих слов Максим вышел из кабинета, оставив Влад в одиночестве. Когда дверь за ним закрылась, Влад обернулся и сделал два шага к столу. Порывистым жестом он развернул компьютерное кресло и буквально упал в него. Влад убрал волосы со лба и потер переносицу. Шумно выдохнув, он вскинул подбородок и перевел взгляд вверх, к почерневшему небу. Затем резко развернулся к столу, схватил свой портфель с документами и яростно отшвырнул его в угол. Бумаги, лежащие под портфелем, веером разлетелись по полу.

Владислав Валевский привык играть, иногда нарушая правила, но делать это незаметно и непременно выигрывать. Он привык, что удача сопутствует ему во всем, принимал ее как должное и давно перестал ценить. Но если раньше эта непоколебимая уверенность в себе шла ему на руку, то сейчас она сыграла с ним очень злую шутку.

В это дело он вложил много сил. От исхода процесса зависела судьба не только его подзащитного, но и его собственная карьера, которой можно будет и вовсе сыграть реквием, если действительно, по словам Стахова, пикантные подробности всплывут в прессе.

Едва ли Влад мог представить, каким образом все обернется против него и как спонтанно жизнь встряхнет его, вынуждая принимать новые правила игры, к которым он был совершенно не готов. Уму непостижимо! Он может лишиться карьеры и репутации из-за какой-то девки!

Еще никогда в жизни Влад не чувствовал себя настолько глупо.

...

Октябрь близился к концу, но Влад не замечал течение времени. Несмотря на то, что от дела его отстранили, и выступать в суде он не имел права, он был с головой погружен в работу. Он консультировал нанятого своим бывшим подзащитным нового адвоката, так как клиент пожелал, чтобы

господин Валеvский участвовал в его защите косвенно, как независимый консультант. Ведь, несмотря на недостойные, по мнению общественности, методы, Влад был лучшим, и распутать клубок этого дела с наименьшими потерями для обвиняемого мог только он. А Влад, в свою очередь, не привык сдаваться и работал с утроенной силой. Ночами напролет он искал лазейки, набрасывал стратегии защиты и продумывал возможные вопросы со стороны обвинения.

Совет адвокатской палаты рассматривал вопрос о прекращении статуса адвоката Валеvского из-за нарушения адвокатской этики. А он старался не замечать, как твердая почва под ногами переставала быть таковой, делая вид, что все в порядке. Его жизнь рушилась, словно карточный домик, а он продолжал жить, как ни в чем не бывало.

Влад старался удержаться на плаву всеми силами, отчаянно сопротивляясь тому раскладу, который приготовила ему жизнь. Он пытался барахтаться в болоте, в котором оказался. Но тонул. Он бездарно проигрывал. Проигрывал и понимал это, но принять этого никак не мог. И это было его главной ошибкой. Он не был готов к поражению, не рассматривал его как возможный из вариантов развития какого-то отрезка своего жизненного пути. Болезненная гордость не позволяла Валеvскому признать это поражение и уйти на время в тень. Она гнала его вперед все быстрее и быстрее. В этой гонке он не замечал ничего на своем пути и упускал мелкие детали. И в итоге окончательно проиграл.

В ноябре на заключительном заседании подсудимый был признан виновным. Диктофонная запись свидетеля оказалась подлинной. Дело, над которым работал Владислав Валевский, было проиграно. Не им, но по его вине. И приговор, который огласили в мертвенной тишине зала суда, стал приговором для самого Влада. Точнее, для его карьеры.

Позже был суд над самим адвокатом. Валевского признали виновным по ст. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний. Это повлекло за собой прекращение статуса адвоката. Кроме того, по решению суда Влад выплатил штраф.

Все эти новости вызвали ажиотаж в прессе, ряд громких заголовков и всеобщий скандал. Прошла проверка адвокатского бюро, в котором Валевский работал и по совместительству являлся одним из совладельцев. Проверка деятельности фирмы, однако, не повлекла за собой каких либо санкций сверху. Но имя ее было запятнано, и значительная часть крупных клиентов отказалась от ее услуг.

Как Влад и предполагал, спустя некоторое время страсти вокруг его персоны улеглись. Но отнюдь все не стало как прежде.

В мире Владислава Валевского люди поразительно быстро отворачивались от тех, кто больше был не в состоянии приносить им пользу. И от Влада отвернулись, как только он перестал играть одну из ведущих ролей в мире питерской адвокатуры.

– Что ты намерен делать дальше? – спросил Стахов спустя неделю после заключительного судебного заседания.

Они встретились в ресторане, где часто обедали и обсуждали все важные вопросы.

– Ты попал в переplet, выбраться из которого не так-то просто, – продолжил Максим. – Весь Питер в курсе. Тебе придется задуматься о поиске иной сферы деятельности. Или... не знаю... у тебя есть средства, чтобы вложиться и заняться всем, чем хочешь. Можешь переехать в Москву. Там у меня есть знакомые. В их фирму требуется юрист. Фирма очень крупная.

– Я не собираюсь никуда переезжать! – резко возразил Влад.

– Ты мой партнер, и мы начинали вместе. Я не вправе лишать тебя всего. Но, Влад, ты сам вырыл себе могилу. Точнее нам, – Максим поднял на Влада многозначительный взгляд.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что мы потеряли репутацию и скоро начнем терять клиентов, – ответил Стахов.

Влад промолчал.

– Мы уже их теряем, – в задумчивости добавил Максим. – Ты знаешь, что мне несколько раз поступали предложения о слиянии?

– Знаю, – нехотя ответил Влад, в глубине души понимая, к чему клонит партнер. – Ты хочешь ликвидировать фирму?

– Новые партнеры – это хороший вариант. Тем более что

сами мы не выплывем.

– Называй вещи своими именами. Пока я в этой лодке, вы не выплывете, – вкрадчиво произнес Валевский с акцентом на слове «вы».

– Боюсь, ни в Питере, ни в Москве никто не захочет иметь с тобой дело. Возможно, – помедлил Стахов. – Спустя какое-то время после того, как ты восстановишь статус адвоката. Очень продолжительно время. Но пока ты едва ли можешь рассчитывать на то, что все будет как прежде.

Лучше бы Максим этого не говорил, потому что реакция Влада на сказанное была незамедлительной. Он буквально изменился в лице и довольно тихо, но таким ледяным тоном, от которого побежали мурашки по коже, произнес:

– Если ты считаешь, что меня так легко сбить с ног, ты глубоко ошибаешься. Ты знаешь, что я лучший в своем деле...

– Влад, ты сам сбил себя с ног, – не дал ему договорить Стахов.

Зазвонил мобильник, и он встал, намереваясь выйти из-за стола, чтобы ответить на звонок и поговорить по телефону. Влад пристально на него посмотрел, но ничего не ответил. Лишь шумно выдохнул и отвернулся.

Он постоянно вспоминал события, предшествующие заседанию, на котором вылезла эта диктофонная запись, пытаюсь понять, почему допустил такую ошибку. Почему, повинаясь каким-то необъяснимым внутренним порывам, позво-

лил себе так грубо надавить на эту свидетельницу. Ведь мог же найти иной способ? Не применяя прямые угрозы.

Влад сам не понимал, что на него нашло. Он был словно не в себе. Изначально, не видя в этой девушке ничего, кроме прямого препятствия для достижения своей цели, ему хотелось просто устранить ее. Но когда, встретившись с ней, он заметил, как в ее глазах промелькнуло презрение вместо ожидаемого страха, то не смог справиться с отчаянным желанием подавить, подчинить, заставить.

Вспоминая это, Влад почувствовал, как внутри закипела злость. Он сложил руки на груди и, чтобы отвлечься, окинул взглядом привычный интерьер зала. Он посещал это место уже много раз, и сегодня здесь все было как обычно: то же обслуживание, то же меню, тот же интерьер. Но сейчас Владу отчего-то все казалось нелепым. Все вокруг было каким-то слишком пафосным. Тихая музыка – противной. И даже меню, которое принесла уже знакомая официантка, слишком перегруженным разнообразием блюд.

Влад рассматривал белоснежную скатерть без единого пятнышка, и эта белая пустота его ужасно раздражала. Все вокруг было искусственно идеальным. Хотелось, чтобы все стало проще. Хотелось, чтобы в этом идеально устроенном пространстве что-то пошло не так.

– Подумай о моих словах. Просто подумай, – сказал Максим, выдергивая Влада из размышлений.

Он вернулся за стол, а Влад, окинув его тяжелым взгля-

дом, захлопнул меню. Он не желал более сидеть в этом ресторане, слушая рассуждения Стахова о возможном будущем. Поэтому сославшись на то, что у него были еще дела в тот день, Влад наскоро попрощался и поспешил выйти на улицу.

Хотелось остаться в одиночестве.

...

Позже Влад и правда думал над словами Стахова. Ночи напролет в своей огромной квартире за бутылкой крепкого алкоголя. Только думал он не о том, чтобы искать себе место рангом ниже или о том, что делать с фирмой, которая потеряла свое имя по его вине. Он думал о том, что ничего не чувствует. Ничего, кроме пустой досады.

Сначала была ярость, но она быстро оставила его, сменившись своим более спокойным собратом – гневом. Затем ушел и гнев, оставив досаду с примесью горечи. Иногда в минуты одиночного пьянства в голове у Влада что-то словно прояснялось, и горечь сменялась надеждой, а досада – принятием. Но эти ощущения были так сиюминутны, так эфемерны, что он предпочитал не обращать на них внимание. Потому что если обратить внимание на что-то новое и доселе неизведанное в своей жизни, как правило, происходят перемены. И нужно иметь определенную отвагу, чтобы принять их. У Владислава Валеvского не было смелости для того, чтобы шагнуть из его привычной жизни в неизвестность

и начать заново строить свой разрушенный мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.